

Камилла Рэй

В плену
Бафубала
и

18+

Камилла Рэй

В плену у барибала

<https://litres.ru/74417132>

SelfPub; 2026

Аннотация

Станислав, вождь клана Гризли, всегда побеждал. Но сейчас он в тюрьме, а его единственный шанс на спасение своего клана — похитить дочь заклятого врага, вождя Барибалов. Капризную, язвительную и невыносимо прекрасную Софию. Он думал, она станет его заложницей и гарантией безопасного прохода. Он не знал, что один её взгляд способен взять в плен самого Великого Гризли. Теперь он бежит не только от погони, но и от собственного сердца, которое сдалось без боя. В плену у барибала оказался он сам.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	14
Глава 4	22
Глава 5	31
Глава 6	41
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	60
Глава 10	65
Глава 11	72
Глава 12	82
Глава 13	89
Г	97
Конец ознакомительного фрагмента.	98

В плену у барибала

Глава 1

Я вдохнул воздух, и первая мысль, пронзившая мозг, была проста и неоспорима: «Это она. Та, которую я заполучу. Та, что будет со мной до конца жизни, даже если сама того не захочет.»

Я шел по коридору тюрьмы с охраной. Это была спецтюрьма для оборотней, где решетки для волков были подкреплены сплавом с серебром и полынью. Я был здесь одним из самых крупных экземпляров. Станислав, вожак клана Гризли. Наш поселок — крепость в горах под городом, куда никто не сунется без приглашения. А дела мы, как ни странно, вели во Владиславске. Сюда меня упек конкурент, подставив с искусно подделанными документами.

Я был спокоен. Мои люди должны были вытащить меня законным путем, побег не входил в планы, пока до меня не дошла весточка, что на мой дом готовится набег с истреблением моего клана. Теперь любая лазейка была на вес золота. Все думали, что Великий Гризли смирился. Первые месяцы за мной следили в оба глаза, но я вел себя тише воды и дождался. Когда отключили свет, камеры отрубались и решетки открывались, я действовал молниеносно, пока не зарабо-

ли резервные генераторы.

Охрану вывел из строя парой точных ударов — калечить хороших ребят не стал, нейтрализовал и хватит, а после по-неся по коридору к ветер, как стихия. Странно, но остальные арестанты делали вид, что не видят меня. Ни крика, ни тревоги. Надо же, какая солидарность в зековских кругах. Сигнализация молчала — отлично. Я уже мчался по административным коридорам, по пути успев сменить футболку на чью — то рубашку, схваченную из какого — то кабинета. Она трещал по швам на моих плечах — габариты у гризли недетские.

Ее запах вел меня, становясь все ближе. От нетерпения у меня сами собой выступили когти. Я просто выбил дверь, и та разлетелась щепками и большими кусками.

Две девушки резко обернулись с криком от испуга, а начальник тюрьмы вскочил из-за стола.

Что моя прелестница делает рядом с таким несносным уродом?

И только тут сработала сигнализация. Тело затрясло от близости самки, моей самки.

Начальник попытался достать оружие, что-то закричал, но я его уже не видел. Я просто швырнул в него обломок двери. Он перевернулся вместе с креслом и затих. Какая-то смазливая девчонка рядом завела истерику, затопала каблучками. Но я смотрел на другую. На брюнетку с обалденными глазами оленёнка, которые смотрели на меня замороженно,

а дышала она так глубоко... Да, это реакция на истинность. Интересно, она сама это понимает?

— Ты идешь со мной! — прорычал я.

— А выгулять тебя с лососем или косточкой не надо? — прошипела она сквозь зубы, гордо вскинув подбородок. А что я ждал? Это же избалованная дочка моего врага. Что она тут забыла?

В следующую секунду ее рука взметнулась для пощечины. Я играючи поймал ее запястье. Рядом истеричка завизжала еще громче.

Что ж. Я просто перекинул свою строптивую истинную через плечо, нечаянно не рассчитав и порвав ее пиджак, и ринулся прочь. Свою малышку некому не отдам, даже если она сама против.

Глава 2

Так, план «Б». Или уже «В»? Я перестал считать. План теперь был прост: нестись вперед, нести этот оглушительный, благоухающий и абсолютно невыносимый комок нежности и ярости на своем плече.

Она не умолкала ни на секунду. Её слова лились потоком, в котором угрозы моей жизни соседствовали с трауром по испорченному пиджаку.

— Я тебя сдеру! Слышишь, гризли? Шкуру сделаю ковриком! А эти твои лапищи... Ай!

Она вскрикнула, когда я, не сбавляя хода, резко увернулся от очередной двери, которая с грохотом заблокировала проход за нами. Её тонкие, но удивительно сильные кулачки молотили меня по спине. Словно дятел, только очень раздражительный и пахнущий дорогими духами.

— Тихо, моя ненаглядная, — проворчал я, перехватывая её на плече так, чтобы она не свалилась. — Ты привлекаешь внимание. Больше, чем я.

— Так, может, просто поставишь меня на землю, дикарь?!

— Не могу. Ты слишком медленная. А твои каблук... это оружие против пола, а не для бегства.

Мы вынеслись в очередной коридор, и я почуял запах улицы. Свобода была близка. Но между нами и ей стояли трое охранников из представителей демонов, уже развернувших-

ся в боевую стойку, с блестящими кастетами на когтистых лапах. Это может стать проблемой.

Я почувствовал, как София замерла, на мгновение умолкнув. Инстинкт. Умная девочка, это хорошо.

— Держись крепче, — только и успел я сказать, прежде чем ринуться вперёд.

Я не стал уворачиваться. Я пошёл напролом, как и подбает гризли. Первый боец отлетел в стену от моего плеча. Второму я поймал его замах и, провернув руку, аккуратно уложил на пол — пусть поспит. Третий был умнее и попытался зайти сбоку, целясь в Софию. Глупая ошибка.

Во мне что-то ёкнуло — что-то тёмное и первобытное. Я рыкнул, и этот звук заставил содрогнуться даже стальные стены. Прежде чем он успел что-либо сделать, я накрыл его своей массой, прижал к полу и... просто прошипел ему в ухо. Он обмяк и отключился от чистого, животного ужаса.

В наступившей тишине я услышал её прерывистое дыхание.

— Ты... ты его не...?

— Я не мясник, — отрезал я, снова пускаясь в бегство. — Я просто сильно тороплюсь по делам.

Она снова принялась возмущаться, но уже без прежнего жара. словно её мысли были где-то далеко. Мы ворвались в гараж, и удача — её ярко-красный аэромобиль, похожий на разгневанного жука, стоял прямо здесь, на зарядной станции. Внутри затрепетали медвежатки. Она еще и за экологию.

гию. Ну просто шипящая богиня.

Я наконец поставил её на ноги. Она шатнулась, её пальцы вцепились в мою руку, чтобы удержать равновесие. Глаза, огромные и тёмные, смотрели на меня с коктейлем из ярости, страха и того самого, необъяснимого влечения.

— Ключи, — коротко потребовал я.

Она, не отрывая взгляда, сунула руку в карман своих джинс и протянула мне брелок. Её пальцы слегка дрожали.

Я открыл дверь, почти оторвав её с петель, и втокнул её на пассажирское сиденье.

— Пристёгивайся.

— Не указывай мне! — автоматически огрызнулась она, но щёлк замков прозвучал чётко и послушно.

Я завёл мотор. Машина взревела, и я рванул с места, пробив полуоткрытые выездные ворота. Холодный воздух ворвался в салон, смешиваясь с её запахом и запахом страха, боли и... свободы.

Я рискнул взглянуть на неё. Она сидела, вцепившись в подлокотник, сжавшись в комок. И вдруг, поймав мой взгляд, она выпрямилась и снова насупилась, как разъярённый котёнок.

— Ты испортил мне вечер, мой пиджак и причёску. Ты ответишь за это.

Уголок моего рта дрогнул. Нежность, острая и нелепая, как удар когтями, сжала мне горло.

— Договорились, — хрипло сказал я, направляя машину

к основным воротам. — Но сначала я спасу свой дом. А ты... будешь сидеть смирно.

— Посмотрим, — буркнула она, отворачиваясь к окну, но я видел, как в стекле отражается её лицо, и на нём — не ярость, а самое настоящее, дикое, невероятное любопытство.

— Не переживай, нам ещё о-чень долго идти пешим ходом, успеешь нашипеться, — проворчал я, выскакивая из машины у ворот и метнув в сторону охраны пару оглушающих взглядов. Ворота открыл одним точным ударом. «Что тут за охрана? Детский сад, ей-богу. Те демоны ещё как-то могли бы со мной побороться, но здесь, на выходе... обычные волки, да ещё и низкого пошиба. Выполняют все от ментального приказа».

Я увидел, как к нам бегут ещё какие-то оборотни, и просто выпустил на них ауру. Аура вожака гризли подействовала и на волков — они завyli и прижались к земле.

Моя девочка широко раскрыла глаза и смотрела на меня с откровенным ужасом.

— Почему пешим ходом? Куда? И зачем я тебе? Ты же почти сбежал! За тобой вряд ли будут гнаться, тебя все боятся! — Я сел обратно, резко завёл двигатель, и мы рванули дальше. Я ей ничего не ответил, и она продолжила: — Никто не будет с тобой вступать в бой, никто! Все боятся. Но никто и не ожидал, что ты сбежишь. — Это она сказала уже тише, почти задумчиво.

—А ты прям знаешь, кто я? - заигрывающим тоном спросил я.

—Ну, начну с того, что ты мерзость.

Я лишь хмыкнул, продолжая вести машину на огромной скорости.

—Противный мужлан! Огромный! Вонючий гризли! — почти припадая ко мне, всё ближе и ближе, шипела моя ненаглядная.

Она была так близко, что я не сдержался. Резко повернул к ней голову, схватил её за затылок и просто притянул к себе, на своё сиденье, впившись ей в губы. А что терять? Ещё злее, ведь она не станет.

Я ошибался. Она стала.

В общем, дальше мы ехали с основательно расцарапанной моей физиономией. Ну ничего, у меня одна из самых лучших регенераций. Но благо, больше моя девочка не ворчала и не шипела, а просто сидела, демонстративно рассматривая свои отточенные коготки. А я отметил, что нечаянно порвал ей ещё и джинсы. Надо взять себя в руки и обуять силу.

Я быстро свернул с трассы и вывез нас к лесу. За нами, на удивление, никто не гнался. Машина была приметная, придётся её бросить и идти пешком. За несколько дней мы быстренько проберёмся через чащу к горам. Я резко посмотрел на её ножки в изящных туфельках на высоченных каблуках. «Ладно, что-нибудь придумаю. Пока походит босиком».

Я вышел из машины, открыл её дверь (почти оторвав),

взял её за руку и вытащил, как котёнка. Пришлось её нежно, но тщательно обшмонать, чтобы проверить на гаджеты. Всё, что нашлось, было безжалостно раздавлено и выкинуто.

— Ах ты, вонючий! Пушистый! Ах ты! — продолжала она шипеть.

Я снял с неё туфельки и швырнул их в кусты.

— Да ты знаешь, сколько они стоят?! Ты знаешь, сколько я ждала их в очереди?! Это же туфли от Джона Галоротто! Их по полгода ждут! Я всё расскажу...

— ...Папе? — поднял я на неё бровь.

Она скривила своё красивое нежное личико, и я увидел в её глазах чистую, концентрированную злобу.

— Слушай, София, и не удивляйся, пожалуйста. Да, я знаю твоё имя. Я знаю имя дочери своего врага, — сразу поднял руку я, предвосхищая её гневный поток. — Сейчас нам нужно бежать. Ты остаёшься со мной. Ты будешь моей заложницей, моим гарантом. Твой папочка решил напасть на мой дом, на моё логово, на моих людей. Что он забыл у меня там, я не знаю. Но я должен защитить их. Успеть. Ты либо своим ходом пойдёшь, либо я тебя понесу. А уж как — выбирать тебе. Могу, например, как мешок с картошкой.

Она попереминалась с ноги на ногу, и я увидел в её глазах молчаливое согласие. Схватил её за руку, и мы побежали.

Через пятнадцать минут я почувствовал неладное — запах крови. Резко остановился и понял: моя самка поранилась. Самое удивительное, она не подавала виду, лишь злоб-

но смотрела на меня. Но губки её побелели.

— Пятнадцать минут? Ты что, никогда не тренировалась? Дома у вас все такие нежные? Ах да, ты же из клана Барибалов.

— Да пошёл ты! Мы хотя бы не вонючие деревенщины, как ваши!

Я вздохнул, просто подхватил её и закинул к себе на плечо, как вещмешок. Ладно, вопрос с её ногами и рамками приличия будем решать позже. Кто же знал, что барибальские самочки такие хрупкие? Хотя, ребята рассказывали... У барибалов и шкурка нежнее, лоснится, чёрненькая, красивая. И самочки там миниатюрные, изящные. Не то что наши медведицы — те и ушатать одной лапой могут, и сами постоять за себя.

Запрятав куда подальше желание хлопнуть по попе бес-тию, я со всей дури рванул в лес. Я знал нужные ориентиры и у меня была цель, ах да и еще — важная ноша, которая сопела как злой невыспавшийся ёжик.

Глава 3

Несколько раз, пока я нёсся сквозь лесную чащу, она меня поцарапала. Несколько раз якобы нечаянно пнула. Ну как нечаянно – я думаю, это было специально. Но после того, как она вскрикивала от боли, я понимал: ей было самой больно. Ступни-то всё-таки голые. А ещё они безумно миниатюрные. Я тут присмотрелся – в моей ладони поместились бы обе её ножки.

Я бежал очень быстро, и в принципе моя ноша была для меня легче пушинки. Я мог бы ещё много миль пронестись, но я понимал, что у моей Сонечки, скорее всего, все бока, грудная клетка и бёдра отбиты об моё каменное плечо. И мне стало её безумно жалко. Гордая, чёртовски гордая. Она почти не подавала виду, что устала. Но по её учатившемуся, сбившемуся дыханию я понял, что хватит. Ей нужен отдых.

Мы были уже глубоко в старых лесах, где ориентирами служили лишь тропы, видимые глазу оборотня или охотника. Я специально вёл нас окольными путями, запутывая следы. Но сейчас нам был нужен привал. Тем более, что на землю уже мягко спускалась ночь.

Я знал, что в этой местности есть наш тайник, наше убежище. Наш клан в каждом квадрате этих лесов устраивал такие места. Всё было сделано по согласованию с волками и вожаком этой области – Логаном. Он знал, что мы, гризли,

импульсивнее волков. Но мы редко лезли в драку первыми, потому что все знали: если мы уж заведёмся, то остановить нас будет ой как непросто. Мы возьмём своей мощью, а помириться с нами потом будет очень трудно. Поэтому волки с нами... скорее, дружили. Насколько я знал, Логан как раз пытался найти способ вытащить меня из тюрьмы законным путём. Я был ему за это признателен.

«Признательность подождёт», – подумал я, замедляя шаг. Нужно было найти метку – трещину в камне, похожую на медвежий коготь. Найти, открыть... и впервые за долгие часы снять эту хрупкую, злую, невыносимо терпеливую ношу со своего плеча.

Я почувствовал, как её тело напряглось в ожидании новой гадости с моей стороны. И впервые за этот безумный день у меня мелькнула мысль, не похожая на приказ или расчёт: «Сейчас я должен сделать всё правильно. Для неё».

— Эй, строптивая, — сказал я, понизив голос до неприличного для себя шепота и слегка встряхнув плечом, на котором покоился мой ценный груз. Не дождавшись ответа, кроме тихого, возмущённого выдоха в свою спину, я продолжил: — Сейчас я тебя сниму, поставлю на ноги. У нас будет привал. Я тебя отпущу, но ты должна понимать: сбежать не получится. Догоню.

Она хмыкнула. Демонстративно, нагло, с такой уничижительной ноткой, что у меня по коже пробежали мурашки. Ой, да как же хороша... Характер – прямо удавиться можно.

Я заставил углы губ дрогнуть в подобии улыбки, пытаюсь сгладить ситуацию.

—Из-за тебя, как раз, и привал. Залечим твои нежные ножки, найдём тебе что надеть, напоим, покормим. Может, минут двадцать поспишь.

Подойдя к нужному камню, треснувшему, как медвежий коготь, я прислушался. Она молчала. Ничего не выдавало её недовольство. Значит, молчаливо согласна с условиями. Умная девочка.

Я нашёл раскол, отмерил от него положенное количество шагов (с поправкой на то, что я был на голову выше проектировщика этого укрытия) и упёрся взглядом в участок земли. Зрение оборотня выделило почти невидимый глазу контур люка под слоем веток и мха.

Я аккуратно, как хрустальную вазу, поставил свою драгоценную ношу на мягкий, прохладный мох. Быстро окинул взглядом округу — ничего, что могло бы стать оружием в её цепких пальцах. Только потом подошёл к замаскированному люку.

Обшарил мох, нащупал холодное, рифлёное железо рукояти. Просто сжать, повернуть... и потянуть на себя. С характерным скрипом и треском, срывая с себя покрытие из лесного мусора, люк открылся, обнажив тёмный провал и ведущую вниз грубую каменную лестницу.

Пауза. Я обернулся к ней, загораживая собой вход, как бы давая последний шанс что-то сказать или сделать.

— Ну что, принцесса барибалов, — голос мой прозвучал немного хрипло. — Готова спуститься в моё скромное логово? Обещаю, там чище, чем в твоей избалованной головушке.

Она демонстративно хмыкнула и подняла свой гордый носик кверху, но руки на груди не сложила. Уже прогресс. Уже хорошо.

Она попыталась двинуться к люку первой, что меня, признать, удивило. Но я внезапно осознал две вещи: я не знаю, что там внизу, и я не видел, в каком состоянии ноги моей истинной после бега по лесу. Рисковать было нельзя.

Поэтому я просто подтянул её к себе на край лестницы, затем, одной рукой захлопнул за нами массивный люк (мало ли, в этом квадрате уже начали искать) и взял её на руки. Включил локтем знакомый рубильник, который запомнил ещё до темноты, и двинулся вниз, неся свою ношу.

— Да зачем ты?! Да что ты?! Я сама! — завелась она, забилась в моих руках.

Но я был скалой. Я просто спускался, держа её, в то время как её возмущённый шёпот лился мне прямо в ухо. Уж не знаю, что она себе там надумала... Нет, я, в принципе, не был против некоторых её предположений, но я всё-таки не варвар.

Я, вообще-то, по образованию бухгалтер. Вы когда-нибудь видели мишку за компьютером, в очках? Вот это я. Таблички, денежки, сводочки, дебет-кредит — это моё. А уже

владение единоборствами — это так, хобби. А уж обидеть женщину или как-то унизить её... Это не удел и не уровень вожака клана гризли.

Свет постепенно загорался — видимо, рубильник включал автономный источник. «Интересно, — думал я, спускаясь, — можно ли по всплеску энергии вычислить наши убежища?» Трескотню своей спутницы я пропускал мимо ушей. Потом она вдруг очень резко заткнулась как раз, когда мы подошли к двери в сам бункер. Меня это насторожило. Я остановился и посмотрел на неё.

— Эй, радио. Ты чего замолчала? Рекламная пауза? — спросил я, и в моём голосе прозвучало неподдельное удивление.

— У тебя на лице... больше нет царапин, — произнесла она тихо, не глядя мне в глаза, а изучая мою щёку.

— Ну, так. У меня одна из лучших регенераций среди гризли, — как-то слишком спокойно, видимо, ответил я.

Она снова замолчала, обдумывая эту информацию. Было в её молчании что-то странное, натянутое.

— У барибалов не так? — решил поинтересоваться я, чувствуя, что наткнулся на что-то важное.

— Нет. По крайней мере, у меня... точно нет.

Вот это информация. У всех оборотней должна быть хорошая регенерация. А она — дочь вожака, альфы. Это очень странно. Я не стал озвучивать этот вывод вслух, лишь заметил, как её мордашка скисла.

Мы стояли у двери, и я аккуратно поставил её босые ступни прямо на свои огромные ботинки, чтобы она не ступала нежными ножками на холодный бетонный пол. Но при этом продолжал держать её за лопатки, и ей пришлось встать на цыпочки, чтобы сохранить равновесие. Она оказалась так близко...

Боже. У меня опять запели медвежата в душе.

Наше убежище напоминало скорее небольшую, но обустроенную квартиру, чем пещеру. Да-да, здесь было всё: кухонька, совмещённая с комнатой отдыха, даже несколько спален. Всё было аскетично, в аккуратных сдержанных тонах, продумано для экономии ресурсов. Запасы воды, одежды, медикаментов. И, конечно, отдельный склад для оружия. Куда без этого.

Странно, но я даже не волновался, впуская сюда дочь своего врага. Чувствовал — не сдаст. Почему-то был в этом уверен. Где-то здесь, помнится, была скрытая линия связи. Мой помощник Брю что-то бормотал про неё, но я тогда слушал вполуха. Сейчас конечно жалел об этом.

Открыв дверь в основное помещение, я снова взял Софию на руки (не удосужившись даже закрыть за собой дверь) и пронёс её внутрь к дивану. По её лицу читалось откровенное удивление. Она осматривалась так, будто попала в параллельную реальность.

— Почему так удивлена? — спросил я, тем временем опускаясь на колени перед ней, чтобы внимательно осмот-

реть её израненные ступни.

— Нам с детства говорили, что гризли — варвары и дегенерации, — ответила она рассеянно, продолжая изучать интерьер и садясь поудобнее на чёрном кожаном диване. — Нет, я, конечно, продолжаю в это верить, особенно глядя на тебя, — тут она бросила на меня выразительный взгляд, — но... это очень современное убежище.

— Угу. А ты думала, здесь будут плётки, грязь, вонь, разбросанное оружие и цепи?

— Ну, вообще-то... да. Ай! Что ты делаешь?

— У тебя в ранках земля и мелкие веточки. Сейчас обрабатываем. И знай, оружие тут нигде не валяется. Оно только на складе, а замок склада запрограммирован на генетику гризли. Я за медикаментами...

Я спокойно поднялся, подошёл к входной двери и, наконец, закрыл её на мощный засов. Потом двинулся в сторону медпункта. Я был абсолютно уверен в электронных замках, что стояли на всех стратегических дверях. Никакой барибал, даже дочь альфы, не могла их открыть. Обычных ножей или подручных предметов я не боялся — главное, чтобы она сама не поранилась. Да и запереть меня было нереально — я гризли, я всё выломаю.

Но то, что произошло дальше, вышибло у меня почву из-под ног.

Я отчётливо услышал звук открывающегося замка на складе с оружием. Этот низкий, механический щелчок с по-

следующим мягким шипением разблокировки я узнал бы везде.

С аптечкой в руке я вылетел из медсклада и замер, как вкопанный.

Моя девочка стояла в проёме открытой двери склада. В её руках был не какой-нибудь пистолет, а серьёзный карабин, который она уверенно, почти небрежно, перезаряжала, досылая патрон в патронник. Ствол был направлен в пол, но её поза, хват — всё говорило о том, что она знает, что делает. Иначе она бы его просто не подняла.

В первую секунду я подумал не об угрозе, а о ней: «Отдача её снесёт, если она выстрелит!» И только потом до меня дошло главное.

— Как ты открыла склад? — мой голос прозвучал тихо и опасно. — Его может открыть только гризли. Ты же другого вида.

Она медленно подняла на меня взгляд. В её тёмных глазах не было страха. Только вызов и какая-то горькая торжественность.

— Сюрприз, — тихо произнесла она, и уголок её губ дрогнул. — У меня тоже есть тайны, Станислав. Как и у тебя.

Глава 4

— Я искренне не понимаю, почему я должна ехать с тобой, Вась. Он же из волков, — недоумевала я, лёжа на широком мягком подоконнике и глядя в окно.

За стеклом колыхались листья огромного вяза, чьи ветви доставали до самой крыши двухэтажного особняка моей подруги. Мысленно отметила: у нас в поместье такое дерево рядом с моей комнатой давно бы срубили. Слишком лёгкий путь для незваных гостей.

— Ну, Соф, он такой классный волк! — Василиса прыгнула со своей кровати и устроилась рядом, прижимаясь ко мне. — Со мной начальник тюрьмы даже разговаривать не станет, а тебя... тебя он хоть послушает. — Она состроила самую жалобную мордочку, какую только могла, и приткнулась холодным носом мне в щёку. — Ну, Соф, ну поддержи свою подружку! Ну пожалуйста!

— Василиса, я не знаю, как мы это провернём. Тем более, в той тюрьме содержится этот... деревенщина. Огромный, как гора. Как его... Станислав, Гризли. Который... Ох.. — я раскинула руки, изображая невероятные размеры, а потом одной ладонью мягко отодвинула её настырную мордочку.

Мы были подругами с детства. Василиса — дочь влияния фигуры нашего клана. Её отец заведовал всеми финансовы-

ми вопросами. После того как моя мать погибла при загадочных обстоятельствах, именно он помог моему отцу встать на ноги и удержать бразды правления. Жаль, что за год до этого не стало ни бабушки, ни дедушки... Именно они передали маме руководство кланом. Моему отцу они не доверяли до конца.

Ах да, именно мои бабушка с дедушкой и управляли кланом до мамы. Сколько я себя помню, меня всё время прятали. В наш век технологий скрыть наследницу барибалов было почти невозможно, поэтому я не удивлялась, когда меня узнавали. Поэтому отцу приходилось иногда брать меня на официальные и светские мероприятия.

И на одном из таких мероприятий на меня обратил внимание он. Станислав. Огромное, неподъёмное чудовище, каких поискать. Не знаю, какие неудачные духи я подобрала в тот день, но мне казалось, я слышала его дыхание из другого конца зала. Отец тоже заметил этот странный, пристальный интерес гризли ко мне. Он велел мне немедленно уйти во внутренние комнаты. Но взгляд, которым Станислав смотрел на меня... Он был всепоглощающим. Жёстким. Как будто я уже принадлежала ему и должна была подойти сию же минуту. И моё сердце билось в том же диком ритме, что, как мне чудилось, и его. Я слышала его сердце.

Не знаю, что с этими гризли не так, но нам с детства говорят: с ними лучше не водиться. Когда наш кортеж уезжал, я в последний раз увидела его в окне — огромную, неподвиж-

ную тень, которая провожала нас взглядом.

И вот теперь моя подруга предлагает поехать в тюрьму, где сидит этот ужасный мужлан, от одного воспоминания о котором бегут мурашки. Но если отец узнает... Он меня просто прибьёт на месте.

— Ах да, этот Станислав, — вырвала меня из воспоминаний Василиса. — Очень большой мужик, знаешь ли. Про него в последнее время часто говорит мой папа. И, кстати, заводит эту тему в основном с твоим отцом. Этот дикий гризли не так давно сел по каким-то махинациям. Папа говорит, сидеть будет долго.

Я посмотрела на подругу с неожиданно для себя серьёзным выражением лица.

— А если он ни в чём не виноват?

На эти слова Василиса повалилась на кровать и расхохоталась.

— Гризли и не виноват? Ой, прекрати, Сонь! Сколько себя помню, наши всегда о них плохо отзывались. Они нам весь бизнес портят.

— Напомнить, с кем ты вообще хочешь связаться? С волком.

— Это другое дело...

— Ой ли? — усмехнулась я, приподняв бровь.

— Так! — Василиса вскочила, приняв ультимативный вид. — Сонь, ты поможешь?

Я вздохнула. Авантюра папахивала серьёзными неприят-

ностями, но отказывать Васе я не умела.

— Если ты сможешь безопасно меня доставить туда и увезти... Конечно, поговорю с начальником тюрьмы. Одеться надо немножко вызывающе. Он, знаешь ли, обожает высокие каблуки...

— Ты что, его знаешь лично? — удивлённо присела на корточки рядом со мной Вася.

— Имела сие удовольствие. Он... знакомый папы, — увидев её вопросительный взгляд, я продолжила. — И имел неосторожность приставать ко мне прямо у нас дома.

— И что? — Василиса снова захихикала. — Тебе всё-таки двадцать три, пора о женихах думать. Кстати, Сонь, я всё не могу понять: почему тебя так скрывают? Выезды в город — только с охраной, на мероприятия — только с отцом?

Вопрос, на который у меня самой не было ответа. Лишь смутное, глухое беспокойство, передавшееся мне от матери ещё в детстве.

— Не знаю. И тебе, кстати, предстоит придумать, как ты нейтрализуешь весь мой гарем из охранников, чтобы доехать до тюрьмы. И чтобы они не спохватились.

— Подружанька, не переживай! — Василиса сияла уверенностью. — Здесь всё схвачено.

Я посмотрела на эту красотку, будто сошедшую с глянцевого разворота. В её глазах горел азарт. Опасный, безрассудный и совершенно неотразимый.

Я сдалась.

— Ну, ладно. Давай дерзай.

Всё пошло наперекосяк с самого начала. План Васи был, как и всё, что она придумывала, блестящим, дерзким и абсолютно безрассудным. Отвлечь охрану «срочной поставкой эксклюзивного трикотажа для молодой хозяйки клана» — сработало на пять минут. На большее даже её обаяния не хватило.

Но этих пяти минут мне хватило, чтобы выскользнуть как раз по дереву, держа в руках мои туфли под мышкой. Фиго-вая охрана, что у меня, что у Васи если честно. Спускаясь, я чувствовала себя не авантюристкой, а самой настоящей предательницей. Каждый шаг отдавался гулким эхом упрёка: «Что, если отец прав? Что, если меня и правду нужно беречь? Не для капризов, а... от чего-то настоящего?»

Мысль о Станиславе, о том его всепоглощающем взгляде, пронзила меня с новой силой странным, тяжёлым предчувствием.

Вася ждала меня в моем автомобиле уже за задними воротами, её лицо сияло торжеством. Как она его незаметно вывезла? Мы рванули.

Тюрьма встретила нас если честно задорно. Охрана на въезде обалдела от нас и от нашего красного автомобиля. А когда они получили приказ от начальства пропустить "лихих девчат", то у ребят появился нервный тик. Здесь пахло подавленной силой и тоской. Начальник, тот самый, с неприятно блестящими глазами, встретил меня с преувеличенной

почтительностью. Он улыбался, но глаза скользили по мне, как по вещи. Было противно.

— София Юрьевна! Какая честь! Ваш отец...

— Отец не знает, что я здесь, — холодно отрезала я, чувствуя, как Васина уверенность куда-то испаряется рядом с этими стенами. — Это личный визит. У меня есть просьба к вам.

Он заулыбался ещё шире, приняв «заинтересованный» вид. Я излагала просьбу Васи, чувствуя, как каждое слово даётся с трудом. Воздух здесь был густым, тяжёлым. И где-то в глубине этого каменного чрева... был он. Я почти физически ощущала его присутствие. Беспокойное, тёмное пятно на фоне общей подавленной энергии тюрьмы.

И тут свет погас.

Не постепенно, а разом, будто кто-то перекусил жизнь этого места. Тревога взвилась сиреной через некоторое время, но эти первые мгновения тишины и темноты были самыми страшными. Я слышала крики, лязг металла, грубые команды. Рука Васи вцепилась в мою с такой силой, что стало больно.

— Соф, что происходит?!

У меня не было ответа. Только леденящий ужас и странная, магнитная тяга туда, откуда доносился нарастающий гул хаоса.

Мы метались по кабинету, когда дверь с треском вылетела из косяка.

В полумраке, освещённый лишь аварийными красными лампами, он казался не человеком и не зверем, а самой стихией разрушения. Это был Станислав. Огромный, в порванной рубашке, с глазами, в которых горел холодный, ясный огонь. И этот огонь упёрся прямо в меня.

Мир сузился до точки. Звуки пропали. Я слышала только бешеный стук собственного сердца и странным образом чувствовала ответный, тяжёлый, мощный ритм, исходящий от него. То самое чувство с мероприятия только в тысячу раз сильнее.

Он кинул в начальника дверь, а потом его взгляд снова нашёл меня. «Ты идешь со мной». Это не было вопросом. Это был закон. Закон природы. И какая-то самая глубокая, спящая часть моего существа отозвалась на этот приказ. Не страхом, а признанием.

Я нашлась только чтобы огрызнуться. «А выгулять тебя с лососем...» Голос звучал дерзко, но внутри всё было пусто и гулко от этого осознания.

А потом... потом его лапа (именно лапа, огромная, горячая) схватила мою руку, летящую для пощёчины, и мир перевернулся. Буквально. Я взлетела в воздух и приземлилась на его плечо, как трофей. Запах грубый, дикий, сосновый, земляной, запах гризли. От него у меня перехватило дыхание.

Я кричала, била его по спине, проклинала. Но это была уже чистая истерика, последний бастион паники. Потому что

под ней, глубже, начинало разливаться другое чувство. Шок, да. Унижение, ещё бы. Но и... облегчение. Странное, парадоксальное освобождение. Будто я годами ждала, что кто-то именно так грубо, неоспоримо вырвет меня из моего позолоченного заточения.

Он нёсся по коридорам, сметая всё на своём пути, а я, болтаясь на его плече, вдруг поймала себя на мысли: «Он никого не убил. Только нейтрализовал». Даже охранника, который целился в меня, он просто придавил массой, заставив подчиниться.

А потом был гараж, рёв моей же машины, и его поцелуй. Его взгляд, мельком брошенный на меня уже не хищника на добычу, а... сложнее. В нём читалась та же растерянность перед этой безумной связью, что висела между нами невидимой, натянутой струной.

И когда он, уже в убежище, опустился передо мной на колени, чтобы осмотреть мои изрезанные ноги, ярость моя окончательно выдохлась, уступив место истощению и жгучему любопытству. Кто он? Почему я... чувствую его так?

А когда я открыла склад с оружием... О, это выражение его лица! Шок, недоверие, и та самая тень признания, которая, кажется, легла и на его душу. Он понял. Понял, что я — не просто избалованная дочка врага. Я — загадка, такая же глубокая, как и он сам.

И теперь я не знала, чего бояться больше: его ли, этого неведомого гризли с глазами бури... или той правды о себе

самой, на которую он, сам того не ведая, наткнулся...

Глава 5

Я быстро думала, как разрешить эту ситуацию. По правде говоря, я её и создала. Мне нужно было сбежать из клана, и всё складывалось как нельзя лучше. Василиса со своей авантюрной идеей, побег этого мужлана... моё «пленение»... Теперь никто даже не подумает, что это мне было нужно, что я этого хотела. Криминальный вожак гризли похитил дочь врага — идеальное алиби для моего исчезновения.

Осталось только нейтрализовать этого бугая. Правда, если не получится... Он просто заберёт меня к себе в горы, и тогда будет печально. Либо приставит к стенке (или к дереву), либо... вернёт отцу. А у отца на меня были свои, особые планы, от которых мурашки бежали по спине куда страшнее, чем от этого гризли.

— Ты меня этим не убьёшь, — пробасил Бугай, не сводя с карабина своих спокойных, тяжёлых глаз. В них не было страха. Было раздражённое любопытство, как у взрослого, на которого тявкает щенок.

— А я и не планирую тебя убивать, — прорычала я в ответ, вкладывая в голос всю жёсткость, на какую была способна. — Мне надо всего лишь тебя нейтрализовать.

— Тебе это всё равно не поможет. Я же гризли. Да ещё и альфа.

Гордыня! Ну конечно. Я чуть не фыркнула.

—А я всё равно попробую, — заявила я, и в голосе прозвучала та самая решимость, что копилась во мне годами. Неуверенная, но несгибаемая.

К сожалению, его слова были правдой. Даже царапины на его морде, что я оставила с таким трудом (а я старалась), зажили на глазах. Молниеносно. Хотя... это была отчасти его вина. Нечего было лезть ко мне со своими... поцелуями.

Я украдкой постаралась вздохнуть ровнее. Потому что поцелуи... они были не совсем неприятными. Даже, чёрт возьми, очень даже... приятными. Грубыми, властными и нежными одновременно — полная противоположность всему, что я знала. И моё тело предательски отозвалось на них дрожью, а не отвращением. Эта мысль злила меня ещё больше.

Я стояла, сжимая приклад, а в голове проносились обрывки планов. Ударить прикладом? Бесполезно. Выстрелить в ногу? Маловероятно, что остановит, а шум привлечёт внимание. Ох, если бы у меня был транквилизатор... Но его, конечно, не было. Вместо него был только этот огромный, невозмутимый мужлан, который смотрел на меня так, будто читал мои жалкие мысли как открытую книгу.

И в этот момент, под его взглядом, мой гениальный план «стать жертвой похищения, чтобы сбежать» дал первую трещину. Потому что я начала понимать: я не просчитала главное. Не просчитала его. Его упрямство, его силу... и это странное, необъяснимое чувство, из-за которого моё сердце колотилось не только от страха, но и от чего-то другого. От

вызова. От опасности. От него.

— Оленёночек, подумай хорошенько над своими действиями, — спокойно, почти ласково произнёс Бугай. Он держал руки на виду, но в его позе не было ни капли намека, что он сдаётся. — Ты всё равно не успеешь сбежать, даже если выстрелишь мне в грудь. Ну, а если выстрелишь куда-то ещё... я думаю, грех на душу брать ты не хочешь. Ты не такая.

Его слова ударили в самую точку. Он видел меня. Не просто капризную барышню с оружием, а кого-то глубже. Это было одновременно и лестно, и невыносимо.

— Ты не знаешь, какая я, — прошипела я, сильнее вжимаясь щекой в прохладный приклад. Спасибо маме, которая втайне от всех учила меня не только светским манерам, но и куда более полезным вещам.

Мы смотрели друг другу в глаза. Мозг кричал: «Действуй! Стреляй в ногу и беги!» Но его взгляд... он потеплел. Из каменного стал обжигающим. Я не могла отвести глаз. Дура, — кричало внутри меня. Это твой шанс! Упустишь — окажешься в золотой клетке у отца или в берлоге у этого дикаря!

— Иди на склад с оружием, — скомандовала я, слегка кивнув головой в сторону двери. — И обходи меня через диван.

Он не двинулся с места. Вместо этого его взгляд стал изучающим, проникающим под кожу.

— Может, ты чего-то хочешь? Я тебе дам это.

Вопрос застал врасплох.

— Что?

— Ты очень странно себя ведёшь. Твоё поведение... нестандартно для пленной.

Он был прав, чёрт возьми. Но признать это — значит проиграть.

— Очень даже стандартно! И не огромному гризли, тупому, судить об этом! — выпалила я, чувствуя, как краска заливает щёки.

Он сделал шаг вперёд. Не угрожающий. Просто... сократил дистанцию. И применил ауру.

— Что ты хочешь? — его голос прозвучал как удар грома внутри черепа.

Волна чистой, нефильтованной альфа-силы накатила на меня. Она была тяжёлой, тёплой, обволакивающей. У меня задрожали колени, сердце начало дико биться, но я не упала. Не подчинилась. Стиснула зубы, впилась в него взглядом и... перестала утаивать. Зачем? Он и так почти всё понял.

— Свободы! — прокричала я, и в этом крике вырвалось всё: годы тоски, страх перед отцом, отчаяние. — Я хочу СВОБОДЫ!

Эффект был мгновенным. Он замер, словно его ударили. Его глаза расширились от неподдельного шока. Он начал быстро, почти панически осматривать меня с ног до головы, его взгляд скользил по моим рукам, шее, лицу, будто искал синяки, следы цепей.

— Тебе кто-то что-то сделал? — его голос сорвался на

низкий, опасный рык. — Тебя обижают?

В его глазах я прочитала не гнев. Я прочитала яростную, первобытную тревогу и панику. Его тело напряглось, как у зверя, готового броситься на невидимого врага. Он порывался сделать шаг ко мне, но сдержался, сжав кулаки так, что кости хрустнули.

В эту секунду всё перевернулось. Он был не моим тюремщиком. Он был... чем-то другим. Кем-то, кто увидел в моём крике не бунт, а крик о помощи.

Я хотела накричать на него, но его тело уже пришло в движение. Это было нечеловечески быстро. Нет, это было сверхчеловечески быстро — вспышка чистой, сконцентрированной силы, против которой моя подготовка оказалась детской забавой.

Я даже не успела среагировать. Одна секунда — я держу карабин, целясь ему в грудь. Следующая — мои запястья сжаты в одном его кулаке, будто тонкие пруттики. Больно, но не невыносимо — скорее, шокирующе крепко. Резкий, точный поворот, давление в нужные точки, и оружие с глухим стуком падает на пол, выскользнув из моих онемевших пальцев.

Я попыталась вырваться, сделать шаг назад, но он был уже везде. Его свободная рука обвила мою талию, подхватила, и мир опрокинулся. Не с грубостью, а с пугающей, безжалостной эффективностью. Я оказалась на спине на прохладной кожаном диване, мое тело прижато к нему. И прежде чем я

успела вдохнуть для крика, его лицо нависло надо мной.

Он не бросился на меня всем весом. Он расположился сверху, коленями зажав мои бёдра, одной рукой пригвоздив мои скрещенные запястья над головой к дивану. Между нами почти не осталось расстояния, но ощущалось, будто он уже прижат ко мне полностью. Воздух стал густым, тяжёлым, наполненным его запахом.

И его лицо. Оно оказалось прямо над моим. Так близко, что я видела каждую ресницу, обрамляющую его горящие темные как кофе глаза, мелкие шрамы на скулах, которые ещё не успели окончательно зажить. Он дышал глубоко и шумно, и каждый его выдох — тёплый, влажный — обжигал мою кожу. Я чувствовала это дыхание на своих губах, щеках, веках. Оно смешивалось с моим собственным, сбившимся и прерывистым.

Я ждала гнева, рыка или угрозы.

Но он просто смотрел. Впивался взглядом прямо в душу, откуда недавно вырвался тот самый крик. Его взгляд был не яростным, а... безжалостно анализирующим. Он искал правду.

— Тихо, — произнёс он, и его бас, низкий и вибрирующий, прокатился по мне физической волной. — Теперь ты никуда не убежишь. Ни от меня. Ни от этого разговора.

Я попыталась дёрнуться, но его хватка была абсолютной. Я была заперта не только его телом, но и этой всепоглощающей близостью.

— Ты крикнула о свободе, — продолжал он, не отрывая глаз. — Но от чего? От меня? Или от чего-то другого?

Он замолчал, давая мне прочувствовать вес его вопроса и вес его тела. Потом наклонился ещё на полсантиметра. Его нос почти коснулся моего.

— Давай заключим сделку, оленёночек, — прошептал он, и в его шёпоте было больше силы, чем в чьём-либо крике. — Ты перестаёшь метаться и ломать себе ноги. Ты идёшь со мной в горы, к моим людям. Ты получаешь мою защиту. Мою берлогу. Мою силу между тобой и всем миром, который тебя так напугал. А взамен...

Он сделал паузу, и его взгляд стал ещё пронзительнее.

— А взамен ты говоришь мне правду. Всю. Кто ты на самом деле. Почему и как открыла склад. И от какой именно «свободы» ты бежишь так отчаянно, что готова была выстрелить в гризли. согласишься — получишь не просто безопасность. Ты получишь союзника. Откажешься... — он слегка, почти нежно, провёл большим пальцем по моим запястьям, всё ещё зажатым в его ладони. — ...и я всё равно узнаю. Но будет дольше и неприятнее для нас обоих, а может и приятнее. Выбирай.

Он не предлагал свободу. Он предлагал обмен: одну клетку на другую. Но в его глазах я прочла странную вещь — в той «клетке», что он предлагал, не было решёток презрения, которые были у отца. Там были стены из его собственного тела. И это было в тысячу раз опаснее.

Мой разум начал метаться, как зверь в клетке, в поисках лазейки, ответа на его вопрос. Но следующий его удар выбил почву из-под ног окончательно.

— Почему ты борешься в человеческом теле? — его голос стал тише, но от этого только опаснее. — Почему не обернётся, чтобы вырваться? У тебя же есть сила. — Его взгляд стал пристальным, пронизывающим насквозь, будто он пытался разглядеть что-то под самой кожей. И в нём мелькнуло внезапное озарение. — Ты... не можешь?

Это был удар под дых. Точный, безжалостный, разрывающий все последние завесы. Внутри всё задрожало и рухнуло. Меня обуяла дикая, бессильная ярость, злость на него, на себя, на весь мир. И под ней была старая, детская, горькая обида, которую я носила в себе годами.

Непроизвольно, предательски, по моей щеке скатилась одна единственная слеза. Горячая, быстрая, позорная.

Он шумно выдохнул, проводя взглядом её падением. А потом снова впился в мои глаза. И в этой тишине, под его тяжёлым взглядом, стена рухнула.

Оборотень, который не умеет оборачиваться. Калека. Неполноценная наследница. Позор клана. Именно поэтому отец решил сплавить меня, выдать замуж за того жуткого, алчного человека из Совета, которого я ненавижу. С глаз долой, из сердца вон, но с максимальной выгодой. И главное — чтобы НИКТО, особенно такие, как этот гризли, не узнали правду. Не увидели слабость.

— Хорошо, — прошептала я, и мой голос звучал сломанно и чуждо. — Я пойду с тобой в твою деревню. Но разговаривать... я с тобой не буду.

В его глазах не было торжества победителя. Я ждала презрения, жалости, триумфа — всего, что видела в глазах других, когда догадывались. Но там не было ничего этого. Его глаза стали темнее, глубже. Мне показалось, в них появилось даже больше вопросов, чем было секунду назад. И что-то ещё... что-то похожее на яростное, несогласное понимание.

Он медленно отпустил мои запястья, но не отодвинулся, продолжая нависать надо мной, изучая моё лицо.

— Договорились, — наконец сказал он, и в его голосе не было ни капли насмешки. Была только твёрдая, непоколебимая решимость. — Но молчание — тоже ответ, София. И я его прочту.

Он поднялся с дивана, давая мне пространство, но его присутствие по-прежнему заполняло всю комнату. А у меня в голове уже зрел новый план, отчаянный и хрупкий. До деревни ещё далеко. У меня будет время. Будут возможности. Я найду способ сбежать. Я должна.

Я поднялась, избегая его взгляда, чувствуя на своей щеке высыхающий след той предательской слезы. Игра изменилась. Он раскрыл мою самую большую тайну. Но я всё ещё держала в руках одну козырную карту — его незнание о том, что именно эта «слабость» может таить в себе неожиданную

силу. И что моё молчание будет громче любых слов.

Глава 6

Я сидела на краю дивана, стараясь не смотреть на него. Но это было невозможно. Он двигался по убежищу с тихой, сосредоточенной эффективностью. Он не говорил ни слова, но меня это устраивало.

Потом он вернулся с аптечкой и тазом с тёплой водой. Без лишних церемоний он опустился передо мной на одно колено. Его движения были удивительно точными для таких огромных рук. Он взял мою ступню, и я вздрогнула — не от боли, а от неожиданности прикосновения. Его пальцы были шершавыми, тёплыми, невероятно осторожными. Он промывал каждую царапину, каждую занозу, вытаскивая их пинцетом с хирургической чёткостью. В его сосредоточенности не было ни капли смущения или фальшивой нежности. Была просто задача: исправить нанесённый ущерб. И в этой простоте было что-то... умиротворяющее.

Я смотрела на его склонённую голову, на мощный затылок, и думала о странности этого зрелища: Великий Гризли, на коленях перед капризной барибалкой, которой только что угрожал. Мой внутренний сарказм куда-то испарился, осталось только тихое, настороженное удивление.

Когда он закончил, наложив тонкий слой заживляющей мази, он вытер мои ноги чистым полотенцем. Потом протянул мне пару толстых носков и... ботинки. Женские, доброт-

ные, походные. Я натянула носки и попыталась всунуть ногу в ботинок. Он оказался огромным. Моя ступня плавала в нём, как лодка в озере.

Я подняла на него вопросительный взгляд. Он, кажется, чуть смутился, что для него выглядело как лёгкое раздражение.

— Самки гризли... крупнее, — пояснил он коротко, избегая моего взгляда. — Это был самый маленький размер, что мы держим в запасе.

В его словах не было намёка на то, что я — маленькая и хрупкая. Просто констатация факта. И это, как ни странно, не обидело. Напротив. Он не пытался сделать вид, что я «как все». Он принял мои особенности как данность.

— Подвинь пятку, — скомандовал он. — Я сейчас.

Он взял нож и два плотных куска мягкого, губчатого материала из аптечки. Ловкими движениями он проложил ими пространство вокруг моей ступни внутри ботинка, зафиксировал широким скотчем, а потом потуже зашнуровал.

— Попробуй.

Я встала и сделала несколько шагов. Ботинок сидел плотно, устойчиво, не натирал. Это было гениальное, пусть и топорное, решение. «Альфа, — снова подумала я. — Он видит проблему и ищет практичный способ её решить, а не ноет о несовершенстве мира».

Затем он подошёл к одному из шкафов и достал несколько вакуумных упаковок с бесшумным шуршанием. Вскрыл

одну. Оттуда пахло резко, чисто — сосной, дымом и чем-то горьковатым.

— Одежда, — сказал он, протягивая мне упаковку. — Обработана особым составом. Он маскирует естественный запах. Скроет твой след и мой. Наденем — и для носа любого оборотня мы станем просто двумя путниками, пахнущими хвойным дымом.

Он высыпал содержимое на диван: просторные штаны из мягкой, прочной ткани, флисовую кофту, ветровку. Всё в тёмных, неброских тонах. Всё — на два, если не на три, размера больше моего. Но сейчас это было последним, о чём я могла беспокоиться.

Потом он взял вторую упаковку и, отвернувшись, начал снимать свои брюки и рубашку. Я отвела глаза, но краем зрения видела, как мощные мышцы его спины играют под кожей, пока он натягивает обработанную ткань. Он делал это не как переодевание, а как ритуал подготовки к операции. Каждое движение было осмысленным.

Он обернулся. В этой простой, безликой одежде он выглядел ещё более грозным. Теперь он был не просто огромным гризли, а чем-то вроде стихии, принявшей человеческий облик для маскировки.

— Переодеюсь, — сказал он, кивнув в сторону одежды. — Всё старое мы кинем вакуумные пакеты. Отсюда мы уйдём другими людьми.

И в его словах я услышала не приказ, а начало нового,

странного совместного пути. Пути, где моя хрупкость и его сила, моя тайна и его решимость должны были как-то ужиться под одним камуфляжным покрывалом, пахнущим сосной. Я сделала, как он просил, уйдя в другую комнату.

Тишина в убежище была плотной, почти осязаемой. Она не была враждебной — скорее, настороженно-ожидательной, как лес перед рассветом. Я сидела, закутавшись в просторный, пахнущий сосной и дымом флис, который скрывал всё, кроме кончиков моих пальцев. Он предложил мне лечь в одну из спален, отдохнуть перед дорогой. Глаза мои слипались, тело ныло от усталости и перенапряжения, но внутри всё кричало: «Нет».

Сон был предателем. Во сне теряешь контроль. Во сне можешь выдать себя стоном, словом, забыться и проснуться ещё более уязвимой. Я отказалась коротким качком головы. Он не настаивал, только смерил меня долгим, изучающим взглядом, словно оценивая запас прочности. Потом развернул два походных пайка.

Еда была без изысков: густая, сытная тушёнка с зерновыми хлебцами, шоколадный батончик с орехами, термостат с горячим, горьковатым чаем. Он ел быстро, практически, не отрывая взгляда от карты, которую разложил на столе. Я ела медленно, заставляя себя глотать каждый кусок. Еда была топливом. И мне оно было нужно. Я не знала, что ждёт впереди, но я не собиралась падать без сил из-за собственной гордости.

Пока я ела, он закончил с картой и занялся ликвидацией следов. Наше пребывание здесь должно было испариться. Он аккуратно сложил наши старые вещи — мою майку и джинсы, его изодранную рубашку — и сунул их в пакет.

Потом он собрал весь мусор, протёр поверхности, проверил, не забыли ли мы ничего. Его движения были отработаны до автоматизма. В этом не было суеты — лишь холодная, точная эффективность воина (или бухгалтера, как некоторые его называли), который закрывает один отчёт и открывает следующий.

— Готовься, — сказал он наконец, погасив основной свет. Осталась только тусклая аварийная лампа, отбрасывающая длинные тени.

Я встала, притоптала ногой в своём импровизированном, утеплённом ботинке, поправила слишком длинные рукава, закатав их. Я чувствовала себя ребёнком, нарядившимся во взрослую одежду. Но в этой одежде я была невидимой. Это был плюс.

Он подошёл к выходу, прислушался, положив ладонь на металл люка. Его профиль в полумраке был резок и суров. Потом он взглянул на меня.

— Дальше будет сложно. Лес ночью, горная тропа. Держись ближе. Если устанешь — скажи. Не геройствуй.

В его словах не было заботы в привычном мне смысле. Была инструкция. Забота о функциональности единицы в его отряде. И почему-то это меня устраивало больше, чем любая

фальшивая нежность.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова. Горло сжалось.

Он беззвучно приоткрыл люк, впуская внутрь струю холодного, влажного ночного воздуха, пахнущего хвоей и сырой землёй. Наступила пора исчезновения.

Он жестом показал мне подниматься первой. Я сделала глубокий вдох, вдохнула этот чужой, свободный воздух, и сделала шаг вверх, из искусственного убежища — в непредсказуемую, тёмную чашу, ведома своим самым неожиданным и грозным союзником.

Глава 7

Станислав

Я вёл нас не по прямой. Петлял, сбивал след, выбирал самые неочевидные тропы, которые знал только я. Лес ночью — не место для прогулок, даже для оборотней. Но она шла. Тихо, упрямо, спотыкаясь о невидимые в темноте корни.

Я заметил одну странность почти сразу: я видел в темноте значительно лучше, чем она. Моё ночное зрение, обострённое и без того, работало на полную. Для неё же мир, судя по её осторожным движениям и тому, как она щурилась, был расплывчатой массой теней. Я старался идти как можно ближе, чтобы она могла ориентироваться по моей спине, по звуку моих шагов. Иногда моя рука сама тянулась, чтобы поддержать её под локоть, когда она особенно сильно кренилась, но я останавливал себя. Не время. Она и так на взводе.

Я переживал из-за того, что она не поспала. Мой организм — машина, заточенная под выживание. Я могу не спать сутками, черпая силы из внутренних резервов и коротких минут забытья на ходу. Её же тело, хоть и оборотня, было другим. Более хрупким, изнеженным. Я видел, как тень усталости ложится под её глаза, как её плечи начинают понемногу опускаться. Но я также видел, как она, заметив мой взгляд, тут же выпрямляется, поднимает подбородок и делает сле-

дующий шаг с преувеличенной уверенностью. Храбрая. Глупая, но храбрая.

В глубине души я уже смирился: скоро придётся нести её. В принципе, она миниатюрная, для меня, что перышко. Не утяжелит. Но этот факт вызывал во мне странное чувство — смесь ответственности и какой-то первобытной удовлетворённости. Моя ноша. Моя забота.

Но пока она шла, мой мозг, отточенный годами ведения счетов и клановых интриг, работал над другой задачей. Я раскусил её план сразу. Она тянет время. Надеется уйти подальше, осмотреться, найти момент и слить меня в лесу. Вид, конечно, я подавать не буду. Пусть думает, что я ничего не понял. Пусть надеется. Надежда делает её сговорчивее.

Периодически я смотрел на неё украдкой. Как она прекрасна в этой уродливой, мешковатой одежде. Как обалденно пахнет даже сквозь маскирующий сосновый состав — её истинный запах, сладкий и терпкий, как спелая черника, пробивался тонкой, сводящей с ума ноткой. Но этот запах смешивался с вопросами, которые гвоздями сидели у меня в голове.

Как она открыла генетический замок?

Неужели в её ДНК где-то затесалась кровь гризли? Невозможно. Смещения между нашими видами... это табу, о котором даже думать странно. Но замок сработал. Он признал её. И это меняло всё.

И главное: почему она бежит от отца? От своего альфы?

Что он сделал или планирует сделать, что заставило её, избалованную наследницу, кричать о свободе и бросаться в объятия врага?

У меня будет очень много дел, как только мы доберёмся до поселения. Нужно будет укрепить оборону на случай визита её папочки. Нужно будет проверить свои счета — не подкопается ли старый враг с финансовой стороны. И нужно будет разобраться в этой живой, дышащей, шипящей загадке, которая сейчас шла за мной по лесу, считая, что обводит меня вокруг пальца.

Я позволил себе лёгкую, почти невидимую ухмылку в темноте. Ну что ж, София. Поиграем. Посмотрим, кто кого перехитрит. Ты со своим планом побега, или я со своим планом... разгадки. А там — посмотрим.

Пока мы шли, я в уме прокручивал карту, которую видел в убежище. Прямой путь к горам был очевиден и, возможно, перекрыт. Но я нашёл другой вариант. Неподалёку одна из рек делала петлю, огибая несколько ненужных нам квадратов леса. И самое интересное — там, у воды, был катерный клуб. Он принадлежал Логану.

Да, тому самому альфе волков, который правил тенью Владиславска. Я был уверен: если я явлюсь туда, он не откажет. Либо катер, либо иная помощь. Подставлять его не хотелось, но деваться было некуда, а он был единственным, кто имел и власть, и желание помочь мне, пусть и из своих соображений. До клуба полтора часа ходьбы. Как раз успеем

к рассвету и уйдём по воде, прежде чем нас обнаружат.

Я углубился в расчёты и почти не заметил, как моя истинная рядом что-то бормочет, идя с закрытыми глазами. Она дремала на ходу! Её шёпот был едва слышен, но мой слух уловил каждое слово:

— ...не выйду за него... не выйду... никогда не выйду...

Крошечный, сломанный отказ, вырвавшийся из самого сна. Кто этот «он»? Тот, за кого её хочет выдать отец? Пазл начал складываться с пугающей ясностью.

Я хотел остановиться, спросить, но в этот же миг мой слух уловил другое — быстрые, лёгкие шаги по склону выше нас. Не один человек, а группа. И двигались они слишком целенаправленно для случайной ночной прогулки.

Инстинкт сработал быстрее мысли. Я резко обернулся, схватил Софию, зажал ей ладонью рот, чтобы заглушить возможный вскрик, и тихим кубарем завалился с ней в густой подлесок у подножия мощной ели. Мы оказались в глубокой тени, прикрытые с одной стороны стволом, а сверху — нависающими ветвями. Чтобы сделать нас полностью невидимыми для того, кто будет смотреть сверху, мне пришлось накрыть её своим телом, прижав к холодной земле.

Она дёрнулась, проснувшись в секунду от глубокого забытья к панике. Её глаза, огромные и тёмные, широко распахнулись в сантиметре от моих. Я почувствовал, как бьётся её сердце, бешено, как у пойманной птицы.

—Тссс, — выдохнул я прямо ей в губы, и в моём шёпо-

те была вся сила приказа альфы, смешанная с просьбой. — Тише. Тихо.

И она замерла. Не потому что подчинилась, а потому что прочла в моих глазах реальную, немедленную опасность. Её тело напряглось подо мной, но больше не дёргалось. Она слушала. И я слушал.

Шаги приближались. Их было трое, не больше. Они двигались почти бесшумно для человеческого уха, но для меня — словно топали. Волки. Молодые, горячие, на задании. Они остановились прямо над нами, на самом краю склона. Я почувствовал, как дыхание Софии остановилось.

— Чисто, — прозвучал молодой голос сверху. — Ничего не видно.

— А запах? — спросил другой.

— Ветер не в нашу сторону. Только хвоя и сырость.

Они постояли ещё мгновение, потом, лениво перебрасываясь словами, двинулись дальше, вниз по склону, в сторону от нас. Я не шевелился, пока звук их шагов полностью не растворился в ночи.

Только тогда я ослабил хватку и поднял голову, всё ещё оставаясь над ней, прислушиваясь к лесу. Она лежала неподвижно, глядя на меня снизу вверх. В её глазах уже не было паники. Было жгучее, живое понимание и вопрос.

Я медленно поднялся, помог ей встать, сбивая с её одежды хвою и мох.

— Пошли, — сказал я тише прежнего. — Быстрее. Теперь

точно до реки. Они патруль. Ищут нас.

Я не стал добавлять, что если бы не моё решение свернуть к реке, мы бы шли прямо им навстречу. И что её бормотание во сне чуть не выдало нас. Сейчас важнее было другое: она увидела, что опасность — не абстракция. И что я — не её главная угроза в этом лесу. Возможно, даже наоборот.

Она кивнула, больше не споря, и пошла за мной, теперь уже полностью проснувшаяся и настороженная. План с клубом Логана из тактической хитрости превратился в нашу единственную надежду.

Глава 8

София

Очнулась я от того, что кто-то тихо разговаривал. Блин, я все — таки вырубилась в пути. А ещё я слышала шум реки, ровный, убаюкивающий гул, от которого не хотелось открывать глаза. Правда, лежала я на чём-то жёстком и пахнущем рыбой, что несколько портило идиллию.

Голоса доносились недалеко, почти рядом, вполголоса, будто делились государственной тайной.

—...да я, прежде чем свою завоевать, наверное, концы точно отдам. Нет, ты представляешь, она избилась своего почти-бывшего, а её собака... насрала на капот его машины. Если всё откроется, она ещё и меня ушатает, и не посмотрит, что я её выше на несколько десятков сантиметров.

Я мысленно подняла бровь. Ох, уж эти сильные самцы и их вечные проблемы с «хрупкими» самочками.

— Ну, твоя хотя бы у тебя дома и не является дочкой твоего врага, — пробасил второй голос, который я узнала мгновенно. Станислав. — Я со своей вообще не представляю, что делать. Она, как еж в бархатных перчатках: вроде мягкая, а уколоть норовит. И сбежать пытается, если на секунду глаз отведешь.

«Еж в бархатных перчатках?» — я едва не фыркнула, но

вовремя сдержалась. Неплохо для гризли, почти поэтично.

Они ещё немного пострадали о женской логике и своей сложной судьбе. Бедные-бедные. Ох, мужики. А ведь они даже ещё не употребляли спиртного, чтобы так искренне выть на луну! Интересно, что будет, если они нахлобучатся? Начнут обниматься и клясться в вечной дружбе, жалуясь, что их никто не понимает? Картина вырисовывалась забавная.

— Вот моторная лодка, — сказал незнакомый голос, который теперь показался знакомым. Где-то на светском рауте я его слышала — низкий, бархатистый, с лёгкой хрипотцой. — Она самая классная. Мои волки будут отваживать от реки всех, кто близко подойдёт. Вы успеете пройти. Провизия и всё, что надо, уже упаковано. Документы, которые мне передал Филипп, я тоже тебе положил.

— Она куда важнее для меня, чем документы, — отрезал Станислав. — С бумагами ознакомлюсь, когда мы будем на месте.

В его голосе прозвучала та самая железная решимость, от которой у меня по спине пробежали мурашки. Приятные мурашки, надо признать.

— Удивительно, на что пошёл отец твоей... ценной ноши, — произнёс незнакомец, и в его тоне зазвучала лёгкая насмешка. — Ходят слухи, кстати, что он её пытается продать.

— Продать? Не выдать замуж, а именно продать? — Голос Станислава стал тише, но в нём зазвенела сталь, готовая в любой миг вырваться наружу. От этих слов мне вдруг резко

стало тепло, как от костра в стужу. Как бы он ни ворчал, как бы ни таскал меня через плечо, но когда на твоей стороне такой огромный, сердитый гризли — это чертовски приятно.

— Ну, за счёт этого брака он хочет укрепиться на рынке Владиславска, — пояснил голос, который, судя по всему, принадлежал тому самому Логану. — Там какой-то вообще хмырь... очень нехороший. Из тех, кого выгнали из города за поведение и поступки.

— Ты очень деликатен в своих выражениях, Логан, — процедил Станислав, и я почти видела, как он сузил глаза.

Лёжа с закрытыми глазами, я позволила себе маленькую, едва заметную улыбку. Продать. Да, это звучало как раз в стиле моего дорогого папочки. Но теперь у него на пути встал не просто непокорный альфа — бухгалтер, а рассерженный гризли с планами на свою «ценную ношу». И что-то подсказывало мне, что сделка папы вот-вот сорвётся самым эпическим образом.

Остаться «спящей» дальше было бессмысленно. Я притворно потянулась и приоткрыла один глаз, как раз чтобы встретить тяжёлый, оценивающий взгляд Станислава, который уже отвернулся от Логана и смотрел прямо на меня.

Ну что ж, господа. Разговор окончен. Пора в путь.

Лодка оказалась на удивление комфортной и быстрой. Мотор урчал ровно, рассекая воду, а солнце, поднявшееся выше, начало пригревать по-настоящему. Хвойный маскировочный костюм внезапно стал казаться тесной и душной

баней. Я с облегчением стянула флисовую кофту и откинула её на сиденье. Под ней у меня был простой, серый, хлопковый топ, который я надела под низ ещё в особняке — лёгкий, безрукавный и, как сейчас выяснилось, идеальный для речного путешествия.

«Наконец-то можно дышать», — подумала я, запрокинув лицо к солнцу.

И тут я заметила странную вещь. Станислав, который до этого вёл лодку с сосредоточенным видом капитана дальнего плавания, вдруг резко перестал смотреть на воду. Его взгляд упёрся в какой-то дальний берег с нездоровой интенсивностью. Он тоже снял свою кофту, и я увидела, как мышцы на его спине и плечах напряглись под тонкой тканью футболки. Очень напряглись.

«Что, гризли, солнце припекло?» — хотелось пошутить, но я промолчала. Потом поймала его быстрый, стремительный взгляд, скользнувший по моим плечам и упёршийся обратно в горизонт, будто его там ждало что-то архиважное. Ага, понятно.

Во мне проснулся маленький, озорной бесёнок. Я не специально, честное слово. Я просто потянулась, подняв руки к небу, чувствуя, как приятно потягиваются мышцы после ночного перехода. Раздался тихий, но отчётливый хруст его пальцев, сжавших руль. Ой.

Мне стало смешно и... приятно. Этот огромный, грозный мужлан, который мог выбивать двери и нейтрализовать

охрану одним взглядом, нервничал из-за того, что я сижу рядом в топике. Не из-за угрозы, не из-за побега. Из-за меня. Это была странная, упоительная форма власти.

Мы плыли в тишине ещё минут десять, прежде чем он решился нарушить её. Голос у него звучал нарочито спокойно, но я слышала подспудное напряжение.

—Ты говорила во сне... что не выйдешь за него.

Он не смотрел на меня, но всё его внимание было приковано ко мне, как радар.

—Да, — ответила я просто, без уловок. Игра в кошки-мышки надоела. Он спас меня от патруля, он сейчас вёл лодку, спасая нас обоих. И он смотрел на меня так. — Я не выйду. Ни за что.

Он наконец повернул голову, и в его глазах я увидела не праздное любопытство, а жёсткую, аналитическую сосредоточенность. Бурый бухгалтер оценивал риски.

—Мой друг обронил слово «продать». Это преувеличение?

Я горько усмехнулась.

—Для моего отца — нет. Это точный экономический термин. Он получает контроль над несколькими новыми торговыми марками в городе, доступ к закрытым аукционам и политическое покровительство. А я... я являюсь платёжным средством в этой сделке.

Станислав молчал, но я видела, как скула у него начала подрагивать от сжатой челюсти.

—А «жених»? — спросил он, и в этом слове прозвучало такое отвращение, будто он говорил о ядовитой змее.

Тут мне стало уже не до смеха. Я обхватила себя руками, внезапно почувствовав холод, несмотря на солнце.

—Его зовут Виктор Смородин. Его выгнали из Совета кланов Владиславска год назад. Формально — за нарушение этикета и финансовые махинации. Неформально... — я сделала паузу, подбирая слова, которые не хотела произносить вслух. — Он коллекционирует «редкости». Необычных оборотней. С какими-то... особенностями. Или тех, кто не может дать отпор. С ним связаны исчезновения. Ничего не доказано, конечно. Все боятся его связей. А папе... папе всё равно. Для него это просто удачная сделка.

Я посмотрела на Станислава. Его лицо стало каменным, без единой эмоции. Но в его глазах бушевала буря. Тихая, сокрушительная ярость.

—Извращенец, — произнёс он тихо, и это было не вопрос, а приговор.

— Да, — выдохнула я, чувствуя, как с плеч спадает тяжёлый груз, который я годами носила в одиночку. Кто-то ещё знал. Кто-то ещё видел эту гадость. И этот кто-то был тем, кто только что назвал это своими именами, не смущаясь и не приукрашивая.

Он резко развернул лодку, взяв чуть в сторону от основного течения, к тенистому, скрытому от посторонних глаз берегу.

—Значит, план меняется, — сказал он уже деловым тоном, но в его голосе всё ещё змеилась невысказанная ярость. — В поселении ты получишь не просто убежище. Ты получишь охрану. А я... я получу удовольствие, когда твой папочка и этот Смородин попробуют предъявить на тебя права.

В его словах не было бравады. Была холодная уверенность. И впервые за долгое время я почувствовала не страх перед будущим, а жгучее, опасное любопытство. Посмотреть, как этот гризли-бухгалтер будет разрывать плохие сделки, обещало быть куда интереснее, чем любое светское мероприятие.

Глава 9

Мы пристали к берегу, который, как мне казалось, видел один Станислав. Среди сплошной стены зелени и валунов он безошибочно выбрал едва заметную щель. Лодка мягко ткнулась носом в камень, и меня пронзило странное, неприятное чувство — будто за нами пристально наблюдают. Я быстро, исподтишка, осмотрелась, но вокруг была только тишина, нарушаемая шелестом листьев и плеском воды. Паранойя, ничего более.

Станислав выпрыгнул на ближайший валун, покрытый скользким мхом, с лёгкостью, несообразной его размерам. Он подтянул лодку поближе, перескакивая с камня на камень, и ни разу не пошатнулся, не замочил ноги. Я невольно залюбовалась: в его движениях была обалденная, хищная грация. Как у большого кота, только... медведеобразного. Солнце припекало всё сильнее, и в воздухе запахло нагретой хвоей и речной сыростью.

Когда лодка была надёжно зафиксирована, он повернулся и протянул мне руку, чтобы помочь выйти. Рука была огромной, ладонь — шершавой, с бледными шрамами. Я демонстративно отвернулась и, собрав всю свою ловкость барибала, сама перепрыгнула на камень. Каблуков, слава богам, не было. Я пошатнулась лишь на секунду, но тут же выпрямилась, гордо подняв подбородок. Принимать помощь у врага?

Ни за что.

Хотя... «Враг» сейчас стоял, заслонив собой солнце, и я не могла не рассматривать его. Мокрая от пота и речных брызг футболка обтягивала торс, очерчивая рельеф мышц, которые выглядели... ну, очень солидно. А его глаза... в солнечном свете они были не просто коричневыми, а с какими-то зелёными искорками, как у лесного хищника, вышедшего на свет. Глупые, совершенно неуместные мысли начали лезть в голову. Интересно, он тоже за компьютером так сидит, с такой-то спиной? Наверное, стул ломает...

«Да что со мной?!» — я мысленно встряхнула себя, как мокрую собаку. Я должна думать не о его... анатомии, а о плане побега! И делать это нужно быстрее, потому что, если я правильно поняла из обрывков их разговора, благодаря реке мы сэкономили почти сутки пути. Для беглецов — отлично. Для меня, которая рассчитывала на долгий переход и больше возможностей улизнуть, — катастрофа.

Теперь мы были гораздо ближе к его логову. К его людям. Там, среди его клана, раствориться и сбежать будет в сто раз сложнее. Нужно было действовать сегодня. Пока мы ещё в относительной глуши.

Я отряхнула невидимую пыль с одежды и посмотрела на него с наивозможным безразличием.

— Ну что, великий проводник? Куда дальше? В пещеру, полную мёда и шкур? — спросила я, стараясь, чтобы в голосе звучала только язвительность, а не панический расчёт.

Он хмыкнул, подхватывая наши вещи.

— Мёд будет потом. Сначала — безопасность. Идём. — Он сделал шаг в чащу, даже не оглянувшись, будто был на сто процентов уверен, что я пойду следом.

И самое обидное — он был прав. Потому что альтернатива — болтаться одной в незнакомом лесу, где пахнет волками и за мной, возможно, уже охотится отец, — была куда менее привлекательной, чем следовать за этой раздражающе уверенной в себе громадиной. Пусть даже он и мой «враг». На данный момент он — самый надёжный враг из всех возможных.

Мы шли через чащу, необычную и немного жутковатую. Здесь преобладали кедры, мощные, с прямыми стволами. Но что меня поразило — ветки у них на средней высоте будто были все обломаны, создавая странное пустое пространство на уровне человеческого роста. Я подняла голову. Вверху кроны сплетались так плотно, что образовывали сплошной зелёный купол, почти крышу. Свет пробивался сквозь него призрачными столбами, а под ногами лежал толстый слой мягкой, упругой хвои. Это было красиво и... удобно для беглецов. Сверху не разглядишь.

— Кто тебя научил стрелять? — спросил Станислав, слегка повернув голову, но не замедляя шага.

В его тоне не было обычной угрюмости. Слышалось искреннее любопытство. Врать смысла не было.

— Мама, — коротко ответила я.

Он не обернулся, но я услышала в его голосе одобрительную задумчивость.

— Дочь бывшего главы альфы вашего клана. Мудрая была женщина. Сильная.

Его слова ударили в самое сердце. Он знал. И не просто знал, а он отдавал дань уважения. Он говорил о ней так, словно понимал, чего ей это стоило — воспитывать «неправильную» дочь в мире строгих правил. Он всё ещё шёл впереди, давая мне время, показывая, что его спина — не угроза, а щит. И его молчание было очень красноречивым.

— А ты ведь не родной сын бывшего главы вашего клана... — сказала я больше утвердительно, чем спрашивая. Эта история была известна многим, обрастая нелепыми мифами. Что его нашли в берлоге у реки, что с ним пришла зима посреди лета, что он уже тогда рычал, как взрослый медведь.

— Ты права. Я найдёныш, — спокойно подтвердил он, и в его голосе не было ни тени стыда или смущения. Была простая, железная уверенность в своём праве быть здесь.

— Наш клан не очень любит найдёнышей, — тихо сказала я, глядя на его широкую спину. — Даже если они из нашего вида. Они боятся того, что отличается.

Я говорила о нём, но ещё больше — о себе. Он это понял.

— Ты не хочешь рассказать, почему тебя скрывали? И почему твой отец так... негативно относится к твоим особенностям? — спросил он, и в его вопросе не было давления, только готовность слушать.

И только я собралась огрызнуться, сказать что-то вроде «не твоё дело», как мир взорвался.

Резкий, сухой хлопок, больше похожий на лопнувшую шину, чем на выстрел. И сразу за ним — глухой удар в ствол кедра в полуметре от моей головы. Кора взметнулась белой щепой.

Время замедлилось. Я ещё не успела испугаться, как мощная рука обхватила мою талию и буквально вырвала с места. В следующее мгновение я была прижата спиной к грубой коре другого дерева, а передо мной встала спина Станислава — широкая, непроницаемая стена. Он закрыл меня собой полностью. Его тело было напряжено, как тетива лука, но он не дрожал. Он слушал.

Я замерла. От дерева пахло смолой и страхом. А от него — горячей шерстью, землёй и яростью, которую он сдерживал, чтобы не выдать нашего укрытия. Он не сказал ни слова. Не нужно было. Его тело кричало само за себя: «Никто. Никто не посмеет».

И в этой тишине, под прикрытием его спины, мой страх странным образом улёгся, сменившись ледяной ясностью. Кто-то стрелял. Не в него. В меня.

Глава 10

Мне кажется, я затаила дыхание. Все чувства обострились до предела. Я не дышала, как и он, наши тела замерли в полной синхронности, будто на мгновение став единым существом с одним сердцем, одним слухом. Я уловила едва заметное движение справа — сдвиг тени, шорох, недоступный человеческому уху. И какое-то древнее, звериное чутьё крикнуло внутри: СЕЙЧАС!

Станислав почувствовал это в тот же миг. Наше следующее движение было абсолютно совместным: его мощный рывок, бросающий меня вниз, и моё мгновенное, безоговорочное подчинение. Я прижалась к земле, впиваясь пальцами в мягкую хвою. Над самой моей головой с противным свистом прошла вторая пуля, сорвав с дерева дождь из щепок, коры и мха.

И тогда я услышала звук. Короткий, приглушённый визг откуда-то из-за валуна. Этот звук ледяной иглой вошёл мне в сердце. Я узнала его мгновенно. Это был голос Васи.

Паника, дикая и всепоглощающая, схватила меня за горло. Её взяли в заложники! Её ранили! Без мысли, без плана, движимая одним животным порывом защитить, я рванула с места из положения лёжа, набрав невероятную для себя скорость. Я мчалась туда, откуда донёсся звук, уже представляя картину: связанная или раненная подруга, над ней — озве-

ревшие охранники, и Станислав, который уже рвётся в бой.

Я влетела за валун и застыла, как вкопанная. Мозг отказывался обрабатывать увиденное.

На небольшом возвышении, вжавшись в камень, сидела Василиса. Её лицо было перекошено не от боли, а от ярости и... страха. На ней был тактический камуфляжный комбинезон. Руки она потирала как после удара.

Над ней, заслоняя собой всё небо, стоял Станислав. Он держал чужую винтовку в своей огромной лапе, как игрушку. Его лицо было каменной маской холодной ярости, но взгляд был прикован не к ней, а ко мне. Он смотрел, стараясь оценить удар, который мне только что нанесли.

Тишина навалилась густая, давящая. Я смотрела на Васю. На её знакомые, но теперь чужие глаза, на камуфляж, на винтовку.

И тогда до меня дошло, окончательно и бесповоротно. Стреляла она.

Не какой-то там охранники, не наёмники отца, а моя подруга. Та, которую я знала с детства. Та, ради чьей авантюры я поехала в эту чёртову тюрьму.

— Вася... — это было не имя, а хриплый выдох, полный крушения всего мира. — Это... ты пыталась меня убить?

Я пыталась встретиться с ней взглядом, найти в её глазах хоть крупицу оправдания, растерянности, хоть что-то знакомое. Но видела только чистую, неразбавленную ярость. Она смотрела на меня так, словно я была предательницей. Её те-

ло было напряжено, как у кошки перед прыжком, пальцы судорожно сжимались и разжимались. На мгновение мне показалось, что она вот-вот бросится на Станислава, вцепится в него когтями, чтобы отобрать своё оружие. Но в последнюю секунду её взгляд скользнул по его неподвижной, подавляющей фигуре, и в её глазах мелькнуло осознание полной, безрассудной безнадёжности такого поступка. Она замерла, съёжившись.

Станислав, не спуская с неё глаз, сделал шаг назад, ставя себя между мной и Василисой. Его движения были медленными, чёткими и невероятно устрашающими в своей обдуманности. Он взял винтовку, быстрыми, привычными движениями извлёк магазин, дослал патрон из патронника, ловко разобрал основные узлы — ствол, приклад, — превратив смертоносное орудие в бесполезный набор деталей. Всё это заняло у него считанные секунды. Он сунул части в свой рюкзак, за спину, убрав с глаз долой.

Потом он присел рядом с ней. Не навис, а именно присел на корточки, опустившись на её уровень с хищной, почти кошачьей грацией. Его взгляд, холодный и неотрывный, впился в её лицо, будто выжигая правду.

Василиса съёжилась ещё сильнее. Она отползала назад на зад и ногах, словно пытаясь раствориться в камне. В её глазах ярость боролась с животным, неприкрытым страхом. Она смотрела на него, как на самое страшное, самое неотвратимое бедствие в своей жизни.

— Ну что, — сказал он тихо. Его голос был низким с глубоким рычанием, которое, казалось, исходило не из горла, а из самой земли под нами. От этого звука по моей спине пробежали ледяные мурашки. Стало прохладно, хотя солнце всё так же припекало. — Говори.

Одно слово. Приказ. В нём не было вопросов. Была только требовательная тишина, которую должна была заполнить она. И эта тишина давила сильнее любого крика.

— Да пошёл ты, медвежье отродье! — сквозь стиснутые зубы выдохнула Вася и, как окончательный акт презрения, плюнула ему под ноги. Потом её взгляд, полный ненависти, переметнулся на меня. — Одно отродье нашло другое. Горите оба в аду. Надеюсь, ваши дети...

Она не успела договорить. Станислав двинулся неожиданно быстро — не яростно, а с хирургической точностью. Лёгкий, аккуратный удар ребром ладони по шее, и её тело обмякло, голова бессильно упала набок.

— Правильно, поспи, потом лучше поговорим, — спокойно, почти бытовым тоном заключил он и принялся доставать из рюкзака прочную туристическую верёвку. Потом посмотрел на меня, и в его глазах промелькнула тень усталой иронии. — Оленёночек, давай договоримся: пока мы идём до поселения, ты убегать не будешь. Потому что сейчас мне придётся тащить её на плече. А если я заявлюсь к своим с двумя женскими телами на перевес по одному на каждое плечо то, что они обо мне подумают?

Вопрос был настолько абсурден в свете только что произошедшего, что я, всё ещё в шоке, выдавила из себя:

—Что ты очень... любвеобилен?

Станислав посмотрел на меня с преувеличенно обиженным видом, подняв одну бровь. Его лицо было предельно серьёзным.

—Ты что? Я слишком невинен для такого.

Эта нелепая, неуместная шутка сделала своё дело. Ледяная скорлупа шока треснула, вернув меня в реальность. Я подошла к бесчувственной Васе, машинально поправила ей волосы, упавшие на лицо. Пока Станислав связывал ей руки, я, по его просьбе, обыскала карманы её тактического комбинезона. Помимо запасных магазинов и дорогого компаса, я нашла лишь щепотку горького порошка полыни — обычное дело для оборотня, чтобы сбить чужой след. Ни записок, ни явных улик.

— Зачем ей так поступать со мной? — тихо спросила я, не сомневаясь в намерениях Васи. Траектории пуль говорили сами за себя.

— Узнаем, когда будем в поселении, — коротко ответил Станислав, затягивая последний узел.

— Что вы с ней сделаете? — в моём голосе прозвучала тревога. — Я не хочу, чтобы её... Я не хочу отдавать её в обиду. Мы же с детства...

— Понимаю, — перебил он меня, закончив дело и, не поднимаясь, посмотрев прямо в глаза. Он выждал паузу, дав

мне прочесть его решимость, а потом добавил, и в его глазах вдруг появилась та самая, редкая теплота: — Она покушалась на твою жизнь и здоровье... Но я обещаю, что с ней будут хорошо обходиться. Мы всё-таки не такие варвары, как ты думаешь.

Он легко взвалил бесчувственное тело Василисы на свободное плечо, без лишней церемонии, но и без жестокости. Кивнул головой в сторону тропы.

— Двигаемся.

Мы ускорились. Оставаться на месте после выстрелов было самоубийственно. Я шла за его широкой спиной, чувствуя странную смесь опустошения, благодарности и жгучего любопытства к тому, что ждёт впереди. Теперь сбегать нельзя, потому что я должна узнать мотивы Васи.

— До поселения осталось немного, — сказал он через какое-то время, его голос звучал уже спокойнее. — Часа два, не больше. И опаньки, смотри-ка... — Он показал свободной рукой в разрыв крон над головой.

В просвете синего неба чётко висел небольшой, почти бесшумный дрон. Он описывал над нами аккуратные круги.

— Чей он? — спросила я, настороженно.

— Наш, — твёрдо ответил Станислав, и в его голосе впервые за этот долгий день прозвучала нота лёгкого облегчения. — Значит, нам уже вышли навстречу. Давай ускоримся, оленёчков. Скоро будем дома.

И мы пошли быстрее, оставляя позади лес, предательство

и пули, направленные в спину, навстречу дрону и обещанному, хоть и незнакомому, убежищу.

Глава 11

Через полтора часа на тропе нас встретила команда. Пятеро. Все в джинсах, рабочих ботинках и простых футболках, но с деловым, собранным видом. У некоторых на груди были на кожаных ремнях пистолеты в кобуре, но висели они не для устрашения, а как рабочий инструмент, вроде молотка у плотника. Станислав не был удивлён. Он лишь слегка кивнул, когда к нему подошёл мужчина лет сорока пяти, почти такого же мощного сложения, с седеющими висками и умными, пронзительными глазами.

— Рад, что ты цел. Смотрю, ещё и с трофеями вернулся, — сказал брюнет, кивком обозначив Василису и меня. Голос у него был низким, спокойным, как гул далёкого трактора.

— Дамы под моей полной защитой, Михаил, — чётко обозначил границы Станислав. — Софию, — он указал на меня пальцем, — сопроводим в мой дом. Она будет со мной. А вот эту... — он слегка дёрнул плечом, где покоилась бесчувственная Вася, — в камеру предварительного содержания. Но обращаться как с гостьей. Она нам должна кое-что поведать. И будьте очень внимательны, она хитрожопая, пахнет шпионством. Узнаю почерк финансиста барибалов.

Все мужчины почти синхронно кивнули, но не раболепно, а подтверждая, что команда принята и понята. И мы двинулись дальше. Я поняла, что мы уже на территории клана

гризли. Через полчаса ходьбы мы вышли к первому КПП. Охрана была серьёзной, но не вычурной. И меня поразила деталь: все технические приспособления, камеры, датчики, были аккуратно вписаны в ландшафт, крепились так, чтобы не вредить деревьям. Станислав заметил мой изучающий взгляд.

— Мы уважаем природу. Она нам даёт почти всё, — пояснил он просто, без пафоса.

Я ничего не ответила, потому что в этот момент с небольшого возвышения мне открылся вид на поселение. И у меня отвисла челюсть.

Я ожидала увидеть нечто в духе «медвежьего угла» — грубые избушки, беспорядок, грязь. Передо мной же лежал аккуратный, современный, ухоженный городок. Здания не выше двух этажей, выдержанные в едином стиле из тёплого дерева и камня, с крышами терракотового, серого или зелёного цвета. Он был вписан в долину, защищённую кольцом величественных, островерхих гор, на склонах которых ещё лежали шапки снега, ярко белеющие на солнце. Сам городок утопал в зелени садов и парков, было много хвойных деревьев. А на краю его поблёскивало озеро, у которого стоял внушительных размеров двухэтажный дом из тёмного дерева с огромными панорамными окнами. Я разглядела ровные бетонные дороги, уличные фонари и... светофоры. В поселении обратной-гризли. Ничего себе.

Я почти всю жизнь прожила в каменных джунглях Вла-

диславска. Это было иное место, суровое, но гармоничное. Сильное, но продуманное. Здесь по дорогам ездили в основном большие внедорожники и пикапы — что, в общем-то, логично, учитывая габариты местных жителей даже в человеческом облике.

Я почувствовала на себе взгляд и обернулась. Станислав смотрел на меня, и в его глазах светилась тихая, сдержанная гордость. Ему нравилось впечатление, которое произвело на меня его «логово». И тут я поймала себя на мысли: этот вид — стратегическая тайна клана. Ни у кого из посторонних нет его фотографий, а теперь здесь я, представительница враждебного клана. Что-то внутри неприятно ёкнуло: «Как же я теперь отсюда сбегу?»

Мы двинулись вниз, к городу. Я успела заметить сеть дорог и несколько КПП на въездах.

— У вас здесь отдельная гвардия для охраны? — спросила я, больше чтобы что-то сказать.

— Да, конечно, специально обученная, — с явным удовольствием ответил Стас и снова посмотрел на меня с хитрой искоркой. — Если планируешь сбежать... рекомендую тебе выбирать не основные дороги.

Я задержала дыхание, бросив на него искоса взгляд, полный ярости и восхищения одновременно. Он шёл, довольный собой, с лёгкой ухмылкой.

Ух, бугай. Ух, варвар изысканный. Ну, я что-нибудь тебе такое устрою... обязательно. Но мысль эта была уже беззлоб-

ной. Скорее, как вызов. Вызов, от которого в животе приятно потеплело.

Когда мы вошли в сам город, моё удивление только выросло. Все здесь были большими. Не просто высокими, а широкоплечими, мощными, с той самой медвежьей статью даже в человеческом облике. На их фоне я чувствовала себя букашкой, затерявшейся в лесу гигантов. Но больше всего поразила атмосфера. Люди мало улыбались, их лица были сосредоточенны, даже суровы, но глаза... Глаза светились. В них читалось живое участие, любопытство, тихая радость от нашего возвращения. Они обсуждали что-то серьёзное у палатки с инструментами, но их взгляды, брошенные в нашу сторону, говорили об эмоциях громче любых слов. Суровость была формой, а не содержанием.

Я снова покосилась на Станислава. Он улыбался не широко, но искренне. И я поняла: по меркам этого места он, наверное, был прямо-таки сгустком неуёмных эмоций, раз на его лице я хоть как-то могла прочесть, о чём он думает.

Михаил кинул ему ключи. Станислав поймал их одной рукой и направился к чёрному удлинённому внедорожнику. Я поспешила за ним, но он взглядом велел притормозить. Мой гризли (да, опять «мой»!) аккуратно, почти бережно уложил связанную Васю на заднее сиденье. Двое из сопровождающих сели спереди, и Станислав, наклонившись к окну, вполголоса отдавал распоряжения: «Быть аккуратными. Смотреть в оба. Применять силу только в самом крайнем

случае». И что-то про «сбор через два часа».

Я сначала слушала, а потом меня осенило. Мой гризли. Когда он успел им стать? Мысленно отругав себя за предательскую нежность, я уперла руки в бока, пытаюсь вернуть себе хоть каплю прежней надменности.

— София, карета подана. Пойдём, — бросил Стас, проходя мимо и открывая дверь другого внедорожника, цвета хаки, с вместительным открытым багажником.

— Не приказывай мне, варвар, — зашипела я по привычке, но ноги сами понесли меня за ним.

— Конечно, конечно. Будьте так добры, ваше высочество, свою царственную жопку в машину закиньте, — парировал он беззлобно.

Я закусила губу, чтобы не выдать смех. Мы сели. То, что Станислав водит хорошо, я уже знала. Но здесь, на ровных улицах своего городка, он вёл машину с уверенной, спокойной грацией, совсем не похожей на лихую гонку от тюрьмы.

Мои мысли вернулись к моей машинке, к моему электрическому «жучку». Наверное, её уже нашли. Интересно, как она там. И тут я осознала ещё одну неожиданную параллель: отношение к природе. Уважение, с которым гризли встраивали свою жизнь в ландшафт, было мне очень близко. Я тоже всегда мечтала о чём-то подобном в нашем поместье — завести курочек, козочек, настоящий сад. Но отец всегда был против. Он был против всех моих идей. Его мир был миром сделок, статуса и контроля. Женщина, по его мнению, долж-

на была сидеть дома, рожать медвежат и... ублажать супруга. Слово «ублажать» всегда вызывало у меня тошноту.

И самая большая загадка — во мне самой. Я не помнила, что произошло в детстве. Был страшный случай, память о котором заблокирована, а после него я перестала оборачиваться. Отец знал. Он знал, что со мной случилось. Но стоило мне лишь намекнуть на эту тему, как его лицо искажала ярость. Он запирал меня, наказывал, а потом называл калекой, бестолочью, неликвидом. Его слова въелись в душу ржавыми гвоздями.

И на фоне этого я видела реакцию Станислава. Он понял, что я не умею оборачиваться, и в его взгляде не было ни смешка, ни отвращения. Было понимание и сочувствие. И ещё что-то... что-то твёрдое и решительное, будто увидев эту «поломку», он не отшатнулся, а принял новые вводные в уравнение, которое собирался решить.

И это... это мне понравилось. Ох, как понравилось. Слишком много новых, тёплых, пугающих чувств начало роиться внутри по отношению к этому огромному, язвительному, невероятно сложному гризли, который теперь вёл машину по улицам своего дома, украдкой смотря на меня.

Я отвернулась к окну, чтобы скрыть внезапно подступившую к глазам влагу и беспорядочную улыбку, которая никак не вязалась с образом пленницы.

Когда мы ехали, я не могла не отметить, насколько всё было продумано и гармонично. Как отлаженный механизм, где

каждая деталь на своём месте. И при этом — чисто, опрятно, по-настоящему ухоженно. Мы проехали через центр городка: несколько уютных кафе с деревянными террасами, магазины (от продуктового до магазина инструментов), а в перелуке мелькнула нарядная ярмарочная площадь. Но больше всего меня трогали мелочи. У многих людей были питомцы. Кто-то вёл на поводке огромную лохматую собаку, а кто-то... нёс на руках крошечных кошечек. Контраст между громадными фигурами гризли и хрупкими созданиями в их руках был одновременно душераздирающим и восхитительным.

Когда я увидела очередного бугая, ещё массивнее Стаса, на чьей ладони восседала, как на троне, крошечная чихуахуа в синем комбинезончике, я не смогла сдержаться и рассмеялась вслух. Это было так нелепо и так мило!

Станислав, остановившись на светофоре, проследил за моим взглядом. Он опустил моё окно, слегка перевесился через меня (от его близости у меня перехватило дыхание) и громогласно, по-медвежьи, окликнул того гризли:

— Санёк, привет! Смотрю, опять выгуливаешь своего маленького крысёныша! — крикнул он с широкой улыбкой.

— Ох, Стас, у моего Бублика опять несварение! — сокрушённо вздохнул Санёк, поглаживая собачку размером с половины его кулака. — Опять бегал с волками этой ночью, представляешь? Просочился как — то. Вот и приходится на руках таскать. А то ты же знаешь, он у меня яростный! Чуть что — сразу в бой кидается!

Я посмотрела на «Бублика». Тот сидел с видом полковника, осматривающего свои владения, и его крошечная мордашка действительно выражала непоколебимую уверенность в себе.

Ещё пара фраз, и мы поехали дальше.

— Видала? Зверь, а не собака. Истинный волчара, — со смешком сказал Станислав.

— Это же чихуахуа, — скептически протянула я.

— Внешность, оленёночек, обманчива, — многозначительно ответил он, и я оставила спор.

Мы въехали в жилой сектор. Улицы здесь были обрамлены аккуратными каменными бордюрами, поддерживавшими пышные газоны и цветники. Кто-то вкладывал душу в эту красоту. Я начала высматривать, в какой дом мы направляемся, но Станислав, уловив моё любопытство, пояснил:

— Мой дом находится в стороне. На берегу озера.

И я вспомнила тот самый двухэтажный деревянный дом у воды, который видела сверху. Когда мы подъехали, я разглядела ещё и хозпостройки сбоку, в глубине участка, граничащего с лесом. И... я услышала звуки. Живые, знакомые, манящие звуки. Станислав явно хотел проявить галантность и бросился открывать мне дверь, но я опередила его. Я вылетела из машины и быстрым шагом направилась туда, откуда доносилось кудахтанье, гоготание и... блеяние? О боже, козы!

Я подбежала к огороженному участку рядом с сараями. С

одной стороны важно расхаживали куры, индюки и какие-то пёстрые птицы, названия которых я не знала. С другой — мирно паслись несколько коз, а рядом с ними резвились козлята, задорно подпрыгивая на тонких ножках.

— Мы сами себя обеспечиваем мясом, молоком, яйцами, жирами, — услышала я позади его вкрадчивый голос. Он подошёл беззвучно и облокотился на забор рядом со мной, наблюдая за живностью. — Берём ровно столько, сколько нужно. Никогда — сверх меры. Всё делаем аккуратно.

— Я всегда мечтала о своём хозяйстве, — тихо сказала я, глядя на козлят. Говорила больше себе, чем ему, и в голосе прозвучала давно знакомая грусть. — Не знаю, откуда это во мне... А вы что-то выращиваете?

— Конечно. У меня здесь — нет, но у каждой семьи есть свои теплицы, уголья. Мы организовали специальный грунт, потратили кучу сил и... денег, если честно, — он улыбнулся уголком губ. — Но возможность была, и мы её использовали. Теперь у каждого свой кусочек земли.

Я смотрела на этого огромного мужчину, который ещё недавно был лишь врагом, грубым похитителем. А теперь... Теперь он привёз меня в место, которое было моей тайной мечтой. И ни разу не потребовал ничего взамен. Сердце сжалось от чего-то тёплого и щемящего. Но я все — таки оказалась неправа.

— Ну, ладно, оленёночек, — нарушил он тишину, и его голос приобрёл новую, деловую ноту. — Пойдём, определим

тебя в комнату. И обсудим быстренько, что ты можешь дать нам взамен... — Он сделал театральную паузу. — А именно, что ты можешь дать мне взамен.

Последние слова прозвучали как обрыв льда. Он выпрямился во весь свой исполинский рост, заслонив собой солнце. Его взгляд стал тёмным, глубоким, неотрывным. Без тени смущения он взял меня за подбородок большим и указательным пальцами, приподняв моё лицо, чтобы я смотрела прямо в его глаза. Его прикосновение было твёрдым, но не грубым. Оно не сулило ничего хорошего... или, возможно, сулило слишком многое сразу. Воздух между нами наэлектризовался, наполнившись обещанием того, что мне явно не понравится.

Глава 12

— Что ты имеешь в виду? Что тебе от меня надо? — я сглотнула, пытаясь удержать голос от дрожи, но он всё равно звучал тоньше, чем хотелось. — Ты ведь меня не планировал отпускать, да?

— Не планировал, — низко, почти в рычании, подтвердил Станислав. Его взгляд стал каким-то тёмным, тяжёлым. В нём читалось не просто обладание, а... желание. Первобытное, не замутнённое условностями. Он смотрел на меня не как на заложницу, а как на добычу, которую уже пометил и теперь решал, как с ней поступить.

Мысль пронеслась со скоростью молнии: мне надо срочно договариваться. Он всё-таки глава клана, у него есть разум, а не только инстинкты. Меня одновременно пугало и смущало то, что я видела в его глазах. Но я поняла и другое: пока он не знал мой главный секрет, он хоть как-то, но считался со мной. Теперь он знал — я не могу обратиться. Я не смогу отбиться даже как оборотень. Я видела в его взгляде ту же самую мысль, и она пугала меня.

А ещё я видела в нём победителя, когда он наблюдал за моей реакцией на их охрану и технику. Мы, барибалы, всегда считали гризли варварами, которые берут грубой силой. Здесь же я увидела сложную, идеально отлаженную организацию. Мы все их недооценивали. И меня, скорее всего,

оставят здесь как трофей — хитрый, ценный, но всё же трофей. Договор — единственный шанс.

— Станислав... — я начала, заставляя себя держать его взгляд. — Может, мы сможем договориться? Как... союзники? — последнее слово я выдохнула почти шёпотом, украдкой наблюдая за его реакцией. Почему-то мне казалось, что он с каждой секундой становится всё больше, заслоняя собой весь мир.

— Говори дальше, — произнёс он. Его голос был ровным, но в нём чувствовалось напряжение стальной пружины.

Я быстро огляделась. По улице вдалеке проходили несколько гризли, украдкой поглядывая в нашу сторону. По всем правилам переговоров нам нужно было уйти в уединённое место. Но мысль об этом бросала меня в дрожь. Я боялась его реакции. Но ещё больше — боялась своей собственной.

Его близость отдавалась во мне странным, предательским трепетом. Сначала я списывала это на давление его ауры — он был сильнейшим альфой, которого я встречала. Сильнее моего отца. Возможно, даже сильнее моего покойного деда. Но это было что-то иное. Это было не подавление, а... зов. Что-то глубоко внутри рвалось наружу, желая не сопротивляться, а подчиниться. И этот инстинкт пугал меня куда больше его силы.

Если мы уйдём с глаз долой, если он усилит давление этой ауры или просто приблизится ещё... я не знала, что со мной

будет. Вдруг я сломаюсь? Вдруг это древнее, животное начало во мне возьмёт верх над разумом и гордостью?

— Нет, — вырвалось у меня резко. — Не здесь, но и не наедине. На нейтральной территории. При свидетелях. Или... — я отчаянно искала варианты, — или мы обсуждаем условия здесь и сейчас. Кратко. Ты получаешь во мне союзника внутри клана барибалов. Информатора. Того, кто знает слабые места моего отца и его дела. А я... — я сделала глубокий вдох, — я получаю твою защиту. Не как пленница, а как равноправный партнёр по договору. И... время. Чтобы разобраться в себе.

Я сказала последнее, сама не зная почему. Но в его взгляде что-то дрогнуло. Желание не исчезло, но к нему добавилась тень уважения. Он видел, что я не просто паникую, а пытаюсь вести переговоры из самого слабого положения, какое только можно представить.

Он медленно отпустил мой подбородок, но не отступил. — Равноправный партнёр, — повторил он, пробуя слова на вкус. — Слишком громко для той, чьи ноги я лечил в лесу, а подруга стреляла в неё из засады. Но... начало положено. — Он сделал шаг назад, наконец давая мне глотнуть воздуха. — Ладно. Заходи в дом. Обсудим твой «договор» за чаем при свидетелях. — Он кивком указал на открытую дверь дома. — Моя мать внутри. Она будет нашим свидетелем. Тебя это устроит, союзница?

Мать. Это меняло всё. И это было гениально. Я кивну-

ла, чувствуя, как ледяной ком страха в груди начинает таять, сменяясь осторожной, хрупкой надеждой. Возможно, сделку заключить всё-таки удастся. А то, что бушевало у меня внутри при его прикосновении... с этим я разберусь позже. Гораздо позже.

Вот только меня немного смутило кое-что.

— Ты называешь свою приёмную мать просто мамой?

— Конечно. Она мне как родная, — уже направляясь к дому, сказал он. Потом кратко, с лёгким укором, посмотрел на меня, будто вспомнив, кто я. — У вас, барибалов, с этим сложнее.

— У нас этого нет. Потому что это... неприемлемо, — очень тихо, с глухой болью в сердце, ответила я.

Станислав резко, почти раздражённо, повёл рукой, будто отмахиваясь от назойливой мысли. Эта тема явно задела и его. Значит, и здесь не всё было гладко.

Но самое интересное ждало нас внутри.

Большое количество высоких окон, разделённых на маленькие квадратики деревянными переплётами. Огромный холл, объединявший гостиную и кухню. В углу — массивный обеденный стол, за которым, судя по количеству стульев, собиралась большая компания. В центре внимания — величественный камин из тёмно-серого, почти чёрного камня, явно часто использовавшийся. Вокруг — множество диванов и кресел, обжитых, с пледами и подушками. Никакого минимализма. Здесь любили жить. Воздух пах деревом, сдобой

и... чем-то уютным и безопасным.

На одном из диванов сидела женщина. Статная, с седыми волосами, уложенными в строгую, но красивую причёску. И зелёные, невероятно живые глаза. В ней с первого взгляда угадывалась жена альфы — достоинство, сила и спокойная уверенность. Она была в джинсах и клетчатой рубашке, бо-
сиком, и читала книгу.

Увидев Станислава, она отложила чтение, и на её лице расцвела такая яркая, счастливая улыбка, что на мгновение я забыла о страхе. Она поднялась, чтобы броситься ему на-
встречу, но...

Она резко остановилась. Улыбка исчезла, сменяясь сначала недоумением, а потом — леденящей, чистой ненавистью, направленной прямо на меня. Её поза из открытой стала оборонительной, стойка сменилась на боевую. Она узнала меня или узнала во мне врага.

— Что эта барибалка делает в нашем доме? — её голос, красивый и низкий, прозвучал злобно и громко, нарушая ти-
шину.

— Мам, с уважением, — жёстко, но ровно пресёк её Ста-
нислав. — Это наша гостья. Это моя гостья, — он намерен-
но сделал ударение на слове «моя», проводя чёткую границу
собственности.

— Она враг! — выкрикнула женщина, не сдвигаясь с ме-
ста.

— Она союзник. И сейчас ты нальёшь нам чаю, и мы ся-

дем за стол втроём, чтобы заключить сделку, — его тон не оставлял пространства для споров. В нём звучала не просьба, а приказ альфы.

— Сделку? Какую ещё сделку? — она скрестила руки на груди, её взгляд метался от его непроницаемого лица ко мне.

Станислав обернулся ко мне. Его лицо было серьёзным, почти торжественным. И в его глазах я не увидела ни капли того тёплого понимания, что было у сараев с животными. Там была только холодная, неумолимая решимость. Расчет.

— София, — произнёс он чётко, так, чтобы слышали оба, — так зовут мою гостью. Она заключит со мной сделку на то, что родит мне наследника. Который... — он сделал крошечную паузу, — ...помирит два клана — барибалов и гризли.

Время остановилось. Звуки — шум крови в ушах, учащённое дыхание его матери, тиканье часов — всё смешалось в оглушительный гул. Воздух вырвался из моих лёгких, будто меня ударили в солнечное сплетение.

Наследника.

Не союзничество. Не защита. Не партнёрство. Дети. Моё тело. Моё будущее. Всё, чего я так боялась в сделке с отцом, но в тысячу раз страшнее, потому что это исходило от него. От того, в чьих глазах я только что начала искать спасение.

Мой мир, который только начал обретать какие-то новые, пугающие, но манящие очертания, рухнул в одно мгновение. Всё, что осталось — ледяной, парализующий ужас и одна единственная, ясная, как звон разбитого стекла, мысль:

Мне надо срочно бежать. Отсюда. От него. Прямо сейчас.

Глава 13

Слова Станислава повисли в воздухе, как ядовитый туман. Я видела, как его мать, эта статная, грозная женщина, буквально вздрогнула от них, будто её ударили хлыстом.

— Что? — её голос сорвался на высоту, полную неверия и ярости. Она шагнула вперёд, и её зелёные глаза сверкнули, как лезвия. — Станислав, ты с ума сошёл? Какой наследник?! Она же... она же враг! Дочь того самого...

— Мама. — Он не повысил голос. Он его опустил до такого тихого, густого, вибрирующего баса, что он не звучал, а ощущался — в груди, в костях, в самых корнях зубов. Это была не просто речь, а это была воля. Чистая, неразбавленная сила альфы, сконцентрированная в одном слове.

И я увидела, как волна этой силы накрыла его мать. Она не отшатнулась физически, но всё её тело, только что напряжённое для атаки, вдруг сникло. Плечи опустились, подбородок дрогнул. В её глазах ярость не исчезла, но её затмило нечто более глубокое — прирождённое, инстинктивное подчинение. Она, сильная и гордая, не могла сопротивляться этому. Не на таком уровне.

Она опустила взгляд, резким движением сглатывая ком в горле.

— Я... я не против решений альфы, — выдохнула она глухо, почти шёпотом. — Конечно, нет. Я... я сейчас пригото-

лю чай.

Она развернулась и почти побежала на кухню, её босые ступни бесшумно шлёпали по деревянному полу. Её спина, ещё секунду назад прямая, как струна, теперь выглядела сломленной.

А я стояла парализованная. Мозг, который только что лихорадочно искал лазейки для договора о союзнчестве, теперь был пуст. В нём звенела только одна фраза, как колокол: «Родит мне наследника».

Станислав медленно повернулся ко мне. Он видел мою бледность, широко открытые глаза, дрожь в руках, которую я безуспешно пыталась скрыть. В его взгляде не было ни злорадства, ни жестокости. Был холодный, безжалостный анализ. Как будто он изучал реакцию важного, но непредсказуемого активного элемента.

Его мать вернулась с подносом невероятно быстро, будто пытаясь поскорее отбыть повинность. Она поставила на стол массивный фарфоровый чайник, три чашки и тарелку с тёплыми, душистыми булочками, от которых пахло корицей и мёдом. Контраст между уютом этого запаха и ледяным ужасом в моей душе был невыносимым. Она не села, а отступила к камину, скрестив руки, и уставилась в потухшие поленья, демонстративно устраниаясь, но не уходя.

Станислав разлил чай. Движения его были точными, неторопливыми. Он пододвинул чашку ко мне.

— София, — начал он тем же спокойным, деловым то-

ном, каким, наверное, обсуждал смету. — Я предлагаю тебе чёткие условия. Ты остаёшься здесь на год или пока будешь кормить ребёнка. За это время ты рожаетшь мне ребёнка. Наследника. Мальчика или девочку — не важно. Генетика смеси наших кланов будет... интересной и сильной.

Я не дышала, слушая этот кошмарный бизнес-план, озвученный его басом.

— После этого у тебя будет выбор, — продолжил он, отломив кусок булочки, но не поднося ко рту. — Вариант первый: ты остаёшься в клане со мной. Ты получишь статус, защиту и... всё, что можешь пожелать в пределах нашего поселения. Вариант второй: ты оставляешь ребёнка клану. Мы обеспечим ему всё. А ты... получаешь свободу. Мы отвезём тебя туда, куда захочешь, с новыми документами и средствами. И больше никогда не побеспокоим.

Он сделал паузу, давая мне вдохнуть этот ужас.

— Это сделка. Чистая. Без обмана. Ты даёшь мне наследника, который станет живым мостом между нашими кланами и укрепит мою линию. Я даю тебе либо будущее здесь, либо полную свободу от всего — от твоего отца, от клана, от обязательств. Думай.

Он отпил чаю, его глаза неотрывно следили за мной поверх края чашки. Он не спрашивал, хочу ли я. Он предлагал условия капитуляции. И самое страшное было в том, что в этой чудовищной сделке была своя, извращённая логика. И щель, в которую можно было провалиться — обещание сво-

боды. Настоящей, окончательной.

Но цена... цена была мной. Моим телом, моим будущим, моим... ребёнком. Ребёнком, которого я должна буду либо бросить, либо воспитывать среди тех, кто считает меня врагом, с матерью, которая ненавидит меня, и с альфой, который видит во мне лишь инкубатор для своей генетической линии.

Воздух в комнате казался густым и тяжёлым. Я смотрела на него, на этого человека, который за несколько дней превратился из тюремной легенды в моего спасителя, а теперь — в тюремщика с деловым предложением.

— А если... я откажусь? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло, но твёрже, чем я ожидала.

Станислав отставил чашку. Его лицо оставалось непроницаемым.

— Тогда я отдам тебя обратно барибалам. Твоему отцу. Как и планировалось изначально. За исключением того, что теперь он будет знать, что ты была в самом сердце нашего клана и увидела то, чего не должен видеть никто из посторонних и тобой попользовались гризли. Не забывай, что тебя барибалы пытались убить.

Твоя ценность для него как «неликвидного актива» упадёт ниже нуля. А для Смородина... — он слегка пожал плечами, но в этом жесте была ледяная жестокость. — Ты сама рассказала, что он коллекционирует «редкости». Дочь врага, побывавшая в логове гризли и не сумевшая сбежать... ты

станешь самым ценным экземпляром в его коллекции.

Он говорил это спокойно, но я чувствовала подвох. Мне казалось, он лукавит. Что-то в его глазах, в той жёсткой решимости, с которой он смотрел на меня на улице возле дома, говорило: он ни за что не отдаст меня. Ни отцу, ни Смородину. Я была его добычей. Его находкой. И он просто предлагал мне цивилизованную форму капитуляции.

Мысль пронеслась, как спасительная молния: надо усыпить его бдительность. Сыграть в его игру. Хотя бы на время.

Я опустила глаза, сделала вид, что обдумываю его чудовищные «условия».

— Я... понимаю логику, — начала я, заставляя голос звучать задумчиво, а не панически. — Союз между нашими кланами... он и правда нужен. Вечная вражда никому не выгодна. Но использовать для этого ребёнка... это неправильно. И я... — я сглотнула, и в этот раз дрожь в голосе была не наигранной, — я не ожидала, что мне придётся использовать для этого себя.

— Тебе не придётся «использовать» себя, — поправил он, и в его тоне скользнула странная, смущающая нотка. — Ты получишь всё, что захочешь. Лучший уход, безопасность, уважение...

— Свободу? — резко перебила я его, подняв голову. Эмоции, которые я пыталась сдержать, прорвались наружу. — Вы предлагаете мне свободу после? После того как отнимете у меня год жизни, моё тело и... и ребёнка?! Это не свобода,

это плата за услугу! Грязная, отвратительная сделка!

Наш разговор стал эмоциональным, острым. Он отвечал, я парировала. Он говорил о долге кланов, я — о праве выбора. Он — о силе, которая даст защиту, я — о том, что такая защита хуже любой тюрьмы. Но в его аргументах была стальная, неумолимая логика хищника, а у меня — лишь хрупкие баррикады из чувств.

И тогда я взяла себя в руки. По-настоящему. Я откинулась на спинку стула, сделав глубокий вдох, и вытерла ладонью мокрые от слёз ярости щёки. Эмоции надо было спрятать, причем глубоко.

— Мне надо подумать, — сказала я голосом, который старался быть ровным и твёрдым. — Это не решение, которое можно принять за пять минут.

Станислав медленно встал. Его тень накрыла меня и половину стола.

— Хорошо. Я даю тебе сутки, — объявил он, и в этих словах не было места для обсуждения. — Мама, расположи Софию. Выдай ей одежду, всё необходимое. Я пойду на собрание.

Он кивнул матери и, не оглядываясь, вышел из комнаты, его тяжёлые шаги отдавались по деревянному полу.

Мать Станислава всё это время стояла у камина, как изваяние. Когда дверь закрылась, она медленно повернулась ко мне. Её лицо было каменным, но в глазах кипела та же ярость, что и прежде.

— Ты очень похожа на свою мать, — прошипела она так тихо, что я едва расслышала. — Такая же чёрноволосая статуэточка. И такая же заносчивая.

Мир снова качнулся. Все мысли о побеге, о сделке, о страхе — всё смешалось.

— Вы... вы знали мою мать? — вырвалось у меня.

Женщина фыркнула, её взгляд скользнул по мне с нескрываемым презрением.

— Да, — бросила она коротко. И, уже поворачиваясь, чтобы вести меня, добавила так тихо, что это было почти движением губ: — Ты очень многого о ней не знаешь.

И она пошла, не дожидаясь моих вопросов. Я, оглушённая, поплелась за ней. Она провела меня на второй этаж, в самый конец коридора, и открыла дверь в... комнатку. Это было слишком громко сказано. Это была кладовка. Узкая кровать, заправленная с армейской чёткостью. Узкий шкаф-пенал, больше похожий на сейф для документов. Стол, стул. Всё из коричневого, безликого дерева. И единственная уступка — узкое, но высокое окно от пола до потолка, прикрытое тканевыми жалюзи.

— Где ванная и туалет? — спросила я автоматически.

— У этой комнаты своего санузла нет. Гостевой — в конце коридора, направо, — отрезала она, даже не глядя на меня. — Найдёшь сама.

Она развернулась и ушла, оставив меня в этой каморке. Дверь не захлопнулась, но её уход ощущался как физиче-

ский щелчок замка.

Я медленно опустилась на край кровати. Матрас прогнулся подо мной. Тишина была абсолютной. И в этой тишине, в этом казённом уюте, мой разум, наконец, переключился с шока и паники на холодный, ясный расчёт. Я сжала кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

План. Мне нужен был план побега. И на его разработку у меня были сутки. И ещё одна, совершенно новая, пьянящая и пугающая загадка: что связывало мою мать с матерью Станислава? И что я о своей матери не знала? Эта тайна звенела в тишине громче любого страха.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.